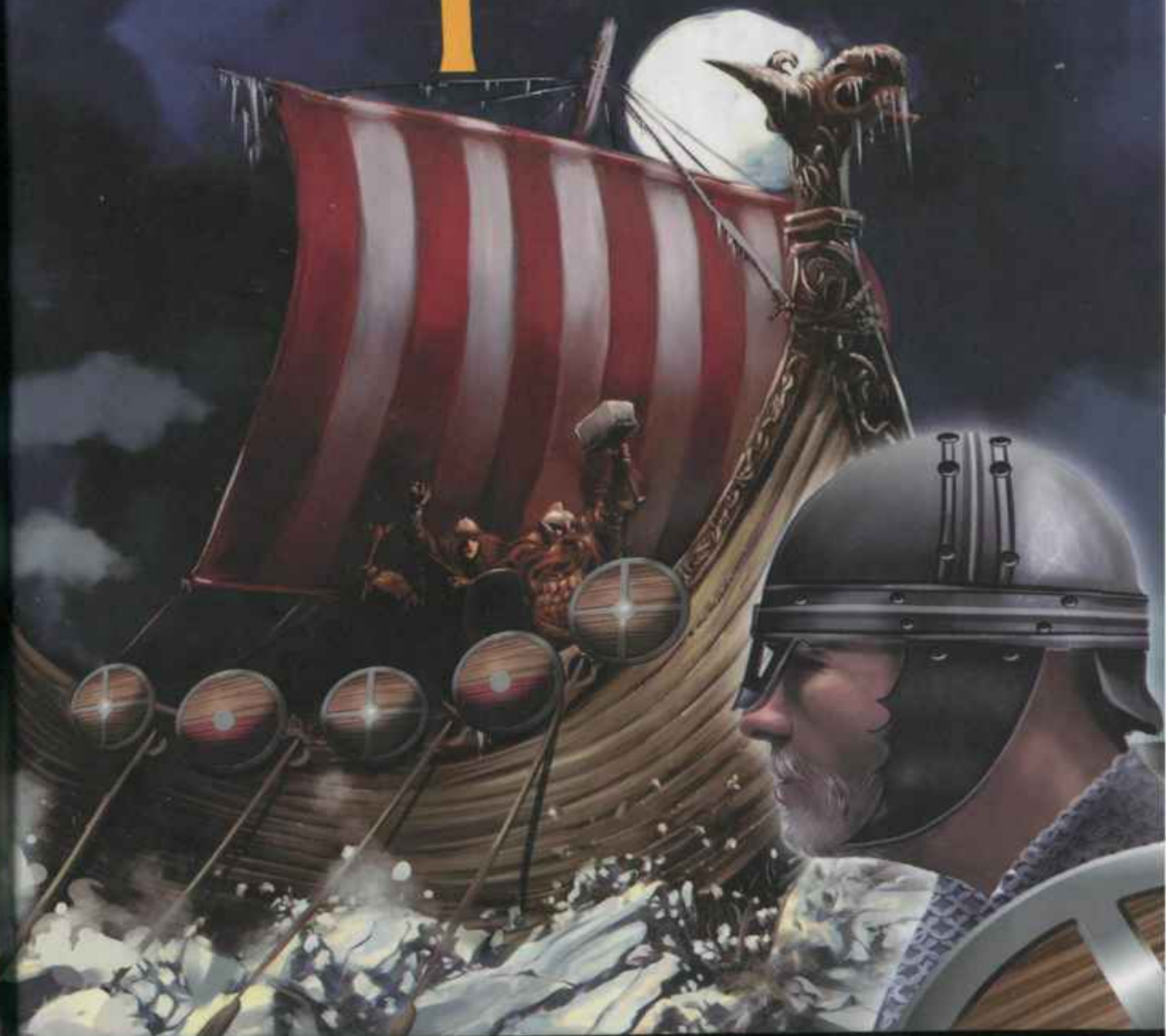

Олесь Бузина

ДОКИЕВСКАЯ РУСЬ

Новая книга Олеся Бузины раскрывает тайну происхождения Руси. Русь — это земля Одина — бога древних скандинавов, потомками которого считали себя Рюриковичи. Несмотря на это, автор книги не стоит на позициях норманизма, как и не считает себя антинорманистом. Жизнь всегда шире любой теории. Русь, по мнению Олеся Бузина, — это результат смешения славян, угро-финнов и тюрков, где скандинавам, давшим название новому государству, принадлежит роль волшебной закваски.

- [Киевская Русь... уже не Киевская](#)
 - [От Рюрика до Ярослава](#)
 - [Славяне — данники Руси](#)
 - [Бездомный князь Рюрик](#)
 - [Хельги и Ингварь против Хаскульдра](#)
 - [Отец городов русских!](#)
 - [Секретная миссия Кирилла и Мефодия](#)
 - [Бродяга Свентослав](#)
 - [Два короля Олафа, или рождение Святой Руси](#)
 - [Битва за Анну и другие подвиги князя Владимира](#)
 - [Ярослав Мудрый — новгородский князь, сжегший Софию Киевскую](#)
 - [Варяг Якун против Тмутаракани](#)
 - [Почему рухнула Киевская Русь](#)
-

Киевская Русь... уже не Киевская

В русскоязычной «Википедии» исчезла статья «Киевская Русь». Вместо нее теперь — «Древнерусское государство». Колыбель «трех братских народов» сдана на склад истории.

Россия и Украина отдаляются друг от друга не только в политике, но и в трактовках общей истории. Еще в 80-е годы нас учили, что Киевская Русь — колыбель трех братских народов: русского, украинского и белорусского. Но новая «феодалная раздробленность», последовавшая за развалом Советского Союза, потихоньку переключивается в труды исследователей и школьные учебники.

В Украине с начала 90-х годов официальной стала концепция председателя Центральной Рады Михаила Грушевского, еще в начале XX века объявившего Русь исключительно «древнеукраинским государством». Россия долго отмалчивалась и, наконец, нанесла ответный «удар».

Привычное словосочетание «Киевская Русь» теперь без лишнего шума исчезает из научных работ и школьных учебников Российской Федерации. Его заменяет лишенный географических привязок к Киеву, оказавшемуся за границей, термин «Древнерусское государство». Политика в очередной раз перекраивает историю для масс.

Справедливости ради, заметим, что Киевской Руси как официального названия раннесредневекового государства восточных славян никогда не существовало. Летописи, на основе которых выстраивают свои схемы современные историки, именовали эту державу просто Русью, или Русской землей. Именно под этим названием она фигурирует в «Повести временных лет», написанной современником Владимира Мономаха киевским монахом Нестором на рубеже XI–XII веков.

Но та же справедливость заставляет напомнить, что термин «Киевская Русь» был придуман не в Киеве, а в... Москве, в XIX столетии. Авторство его одни исследователи приписывают Николаю Карамзину, другие — Михаилу Погодину. Но в широкий научный обиход он попал благодаря профессору Московского университета Сергею Соловьеву (1820–

1879), широко употреблявшему выражение «Киевская Русь» наряду с «Русью Новгородской», «Русью Владимирской» и «Русью Московской» в знаменитой «Истории России с древнейших времен». Соловьев придерживался так называемой концепции «смены столиц». Первой столицей древнеславянского государства, по его мнению, был Новгород, второй — Киев, третьей — Владимир-на-Клязьме, четвертой — Москва, что не мешало Руси оставаться одним государством.

Термин «Киевская Русь» получил популярность благодаря московскому историку XIX в. Сергею Соловьеву

После Соловьева «Киевская Русь» из ученых трудов проникла и в книги для средней школы. К примеру, в многократно переизданном «Учебнике русской истории» М. Острогорского (на 1915 год он выдержал 27 изданий!) на стр. 25 можно прочитать главку «Упадок Киевской Руси». Но в дореволюционной России история оставалась элитарной наукой. Половина населения оставалась неграмотной. В гимназиях, семинариях и реальных училищах учился ничтожный процент населения. По большому счету, феномена массового исторического сознания еще не существовало — для мужиков, встретивших 1917 год, все, что происходило до их дедов, случилось «при царе Горохе».

Не было нужды в концепции «колыбели трех братских народов» и у царского правительства. Великороссы, малороссы и белорусы до Великой Октябрьской революции официально считались тремя русскими народностями. Следовательно, они еще, образно говоря, лежали в одной русской колыбели. Никто не собирался перевешивать ее на тысячу лет назад — в полуземлянки летописных полян, древлян и кривичей, которым из их X века

тоже было наплевать, как их обзовут потомки в веке XX — «древнерусскими» или «древнеукраинскими» племенами. Или древнебелорусскими, как вариант.

Все изменили революция и... Сталин. Обещая массам прекрасное коммунистическое будущее, большевики с не меньшим рвением взялись переделывать и прошлое. Точнее, переписывать его картину. Курировал работы лично вождь и учитель, отличавшийся завидным трудолюбием и организаторскими способностями. В середине 30-х годов советские школьники получили учебник «Краткий курс истории СССР», где безо всяких сомнений четко и однозначно было написано, как вырублено топором: «С начала X века Киевское княжество славян НАЗЫВАЕТСЯ КИЕВСКОЙ РУСЬЮ». Учебник этот предназначался для третьеклассников. Таким образом, с помощью сталинизма и тоталитаризма в головы нескольких поколений **ВПЕРВЫЕ МАССОВО** было вбито словосочетание «КИЕВСКАЯ РУСЬ». И кто бы посмел спорить с товарищем Сталиным и его Наркоматом образования, что именно так она и называлась в X веке? Да ну ее к бесу, эту историю! Тут бы уцелеть во время **ВЕЛИКИХ ПЕРЕЛОМОВ!**

Для гимназистов. Карта из учебника истории М. Острогорского 1915 г.

ПО ИНСТРУКЦИИ ВОЖДЯ. Целых двадцать страниц занимал раздел под названием «Киевская Русь» в сталинском учебнике «История СССР» для 8 класса под редакцией профессора Г. Панкратовой. Кстати, несмотря на то, что официальная советская историческая наука до самого распада Советского Союза воевала с варягами, отрицая их

вклад в создание Руси, учебник Панкратовой не был свободен от пережитков дореволюционного норманизма. По крайней мере, скандинавское происхождение основателя династии Рюриковичей он не отрицал.

До революції головна жєницина-историк в ССРС Анна Панкратова успєла окончить не только гимназию, но и Новоросийский университет в Одессе.

Цитирую эту «Историю СССР» для 8 класса, с сохранением всех особенностей орфографии оригинала по-українськи — на том языке, на котором изучали этот идеологически важный предмет учащиеся украинских школ в Украинской Советской Социалистической Республике: «Через землі, зайняті східними слов'янами, проходив водний шлях, що з'єднував Балтійське море з Чорним: «путь з варяг у греки», тобто з країни варягів — Скандінавії — у Візантію... Цим шляхом в IX ст. ходили, шукаючи наживи, ватаги варягів, як у Східній Європі називали жителів Скандінавії — норманнів... Окремі варязькі ватажки з

своїми дружинами захоплювали найзручніші пункти на «путі з варяг у греки» і накладали данину на околишне слов'янське населення. Іноді вони знищували або підкоряли собі місцевих слов'янських князів і ставали на їх місце. За переказом, в середині IX ст. один з таких шукачів пригод — Рюрик — утвердився в Новгороді, який був ключем з півночі до дніпровського шляху».

Академик Греков схватился за голову. Так выглядела одна из конференций по истории в конце 40-х годов. Все по указке Сталина!

Дальше шел рассказ о новгородском князе Олеге, захватившем Киев у людей с явно неславянскими именами Аскольд и Дир. Но школьникам оставалось только догадываться, в какой связи он находился со своим предшественником Рюриком и почему это явно волевое захватническое действие новгородского князя по отношению к Киеву следует считать «объединением» маленьких славянских государств — Новгородского и Киевского — под властью князя Олега.

Привирал сталинский учебник и по поводу Рюрика. Ведь тот утвердился в Новгороде не «по сказанию», а согласно сообщению «Повести временных лет» Нестора Летописца, который так рассказывает о решении новгородцев: «В год 6370 от сотворения мира (в 862 году н. э.) изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные варяги — норманны и англы, а еще иные — готландцы, вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде... И от тех варягов прозвалась Русская земля».

Ни слова о Киевской Руси, правда? Только о Русской земле. Причем первоначально на севере — в районе Новгорода. Уже эта Русь была многонациональной. Ведь кроме славянских племен словен и кривичей, среди тех, кто призвал варягов, значатся финские народцы чудь и весь (первый жил в Прибалтике, второй — восточнее Невского озера). Это те самые ненавидимые нашими националистами финно-угры (они их считают предками

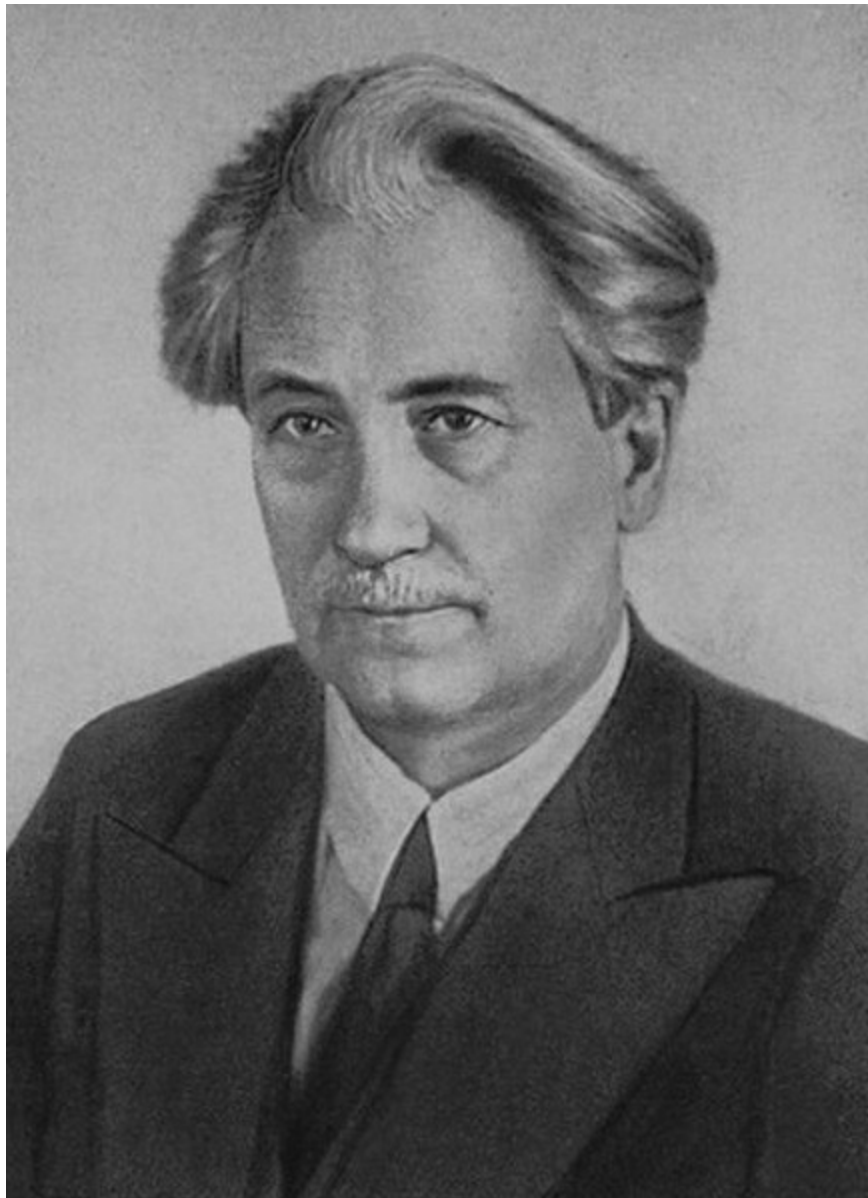
«москалей»), которые, согласно летописи, стали Русью раньше, чем киевские поляне! Ведь полян Рюриковичам еще только предстояло покорить, чтобы и они «обрусели». Как сказано у Нестора: «Поляне, которые теперь называются Русью».

Ох, уж эта история! Ну никак она не хочет безоговорочно сдаться политике! Ведь если верить Нестору, то выходит, что не только Киевской Русью, но даже просто Русью Киев не был до его захвата новгородским князем Олегом, дружины которого состояли из скандинавов-варягов («руси»), северных славян (словен и кривичей) и финнов (чуди и веси).

ВАРЯГАМ МОЛЧАТЬ! Сталин был, прежде всего, политиком, а не историком. Он внедрял через школу и университеты в массовое сознание миф Киевской Руси, чтобы отвлечь внимание от длительного периода, ей предшествовавшего.

По летописи, новгородский князь Олег захватил Киев в 882 году. К этому моменту варяги хозяйничали на севере, в районе Ладоги и Новгорода, уже почти столетие. Приплывая из-за Балтийского моря, они брали дань со славянских и финских племен. Ладога стала первым опорным пунктом викингов. Новгород, после того, как там утвердился Рюрик, — вторым. Имена первых русских князей были скандинавского происхождения. Олег (Хельги), Игорь (Ингвар), Аскольд (Хаскульд) говорят сами за себя. Очень уж не похожи они на славянских Владимиров и Святославов.

Все это вызывало многочисленные вопросы о подлинной истории происхождения Руси, на которые Сталину не хотелось отвечать. Так почему бы не перевести разговор на другую тему? Зачем копаться в истории появления варягов в Новгороде и оценивать их роль в создании Древнерусского государства? Давайте просто напишем, что Олег свалился в Киев из Новгорода, не вдаваясь в подробности его происхождения. А Русь назовем Киевской, чтобы жители Советской Украины помнили, что они тоже хоть чуть-чуть, а все-таки русские.

Академик Греков выполнил указание Сталина по внедрению Киевской Руси в сознание масс

Товарищ Сталин провозгласил, что Русь основали не шведы, а славяне и дал соответствующие по этому поводу указания. Никто из историков даже помыслить не мог его послушаться. Историческому «вредительству» и проискам норманистов был объявлен решительный бой! «Советская историческая наука, следуя указаниям Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, положив в основу замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на «Конспект учебника истории СССР», разработала теорию о дофеодальном периоде... уже в теоретических построениях основоположников марксизма нет и не может быть места норманнам как создателям государства среди диких восточно-славянских племен», — писал в 1949 году в работе «Борьба с норманизмом в русской исторической науке» декан исторического факультета Ленинградского университета Владимир Мавродин.

К этому моменту несчастные норманисты — и мертвые, вроде дореволюционных Карамзина и Соловьева, и живые, забившиеся под кафедры, были окончательно «разбиты» академиком Борисом Грековым. Этот Лысенко от истории, родившийся в Миргороде и преподававший до революции в женской гимназии, уже успел прославиться точным исполнением сталинских инструкций в монографиях «Киевская Русь» и «Культура Киевской Руси», вышедших в свет в 1939 и 1946 годах. Особого выбора у него не было. Борис Греков висел на крючке у Сталина: в 1930-м его арестовывали по так называемому

«Академическому делу», вспомнив, что в 1920 году будущий академик оказался в Крыму у Врангеля. Коллеги-историки хорошо понимали, что Греков придумывает «Киевскую Русь», обслуживая заказ режима. Но возражать ему означало спорить со Сталиным.

Все эти подробности со временем забылись. Нынешние украинские школьники, которым преподают эту самую никогда не существовавшую Киевскую Русь, ничего не знают ни о Грекове, ни о его подлинном вдохновителе с кавказскими усами. Они тоже не задают лишних вопросов, чтобы без проблем сдать тесты. Но мы-то с вами знаем, что Русь была просто Русью. И не древней. И не киевской. Ни приватизировать ее, ни сдать в архив истории не удастся. Уверен, эту страну еще ждут удивительные превращения. Просто мы не в состоянии их пока представить.

От Рюрика до Ярослава

До того, как покорить Киев, Русь насчитывала не меньше века своей истории. Первой столицей ее была Ладога на реке Волхов, основанная пришельцами из Швеции — Рюотси.

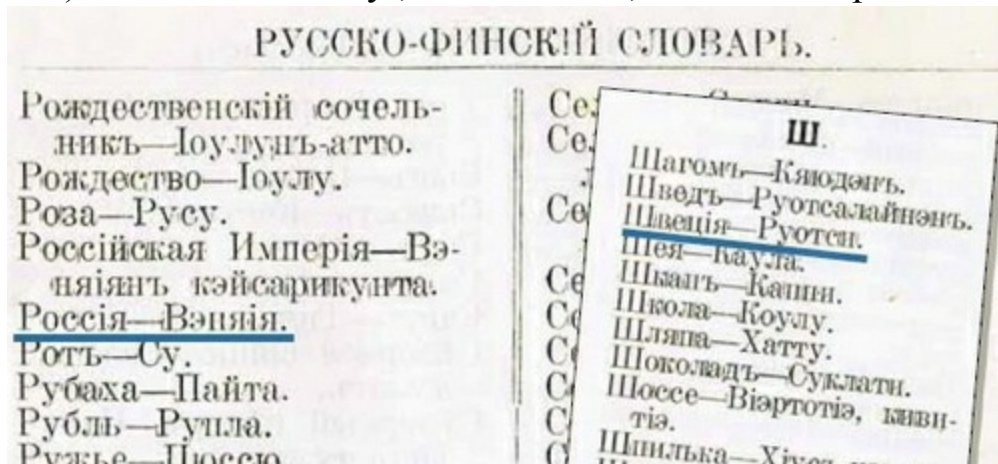
Я сам не ожидал накала страстей, который вызвала первая глава моей книги, опубликованная в киевской газете «Сегодня». Людям хочется знать правду. С детства, со школы в их памяти застряли отдельные фразы, вроде «Киев — мать городов русских» (хотя в «Повести временных лет» дословно сказано не «мать городов», а «мать городАМ»!), громкие имена князей, вроде Олега или Святослава, и в лучшем случае — одна дата, 988 год, который принято считать официальной датой крещения Руси. Все остальное покрыто тайной и мраком.

Между тем ранняя история Руси полна удивительных открытий, лежащих буквально на поверхности и неизвестных широкому читателю только из-за косности и трусливости украинских историков, служащих не науке, а политической конъюнктуре. Они-то и поддерживают сказку о Киевской Руси, возникшую в Москве только в XIX веке.

Но Русь как государство насчитывало почти столетие своей истории до знаменитого захвата новгородским князем Олегом Киева в 882 году. Эта дата, впрочем, достаточно условна, по мнению большинства исследователей. И началась Русь на севере — в тех краях, которые при царском режиме именовались Петербургской губернией, а ныне — Ленинградской областью Российской Федерации (именно так, хотя областной город ее с 1991 года снова носит имя Петербург!). Но таковы уж парадоксы нашей истории. И если уж Петербург находится в Ленинградской области, что вносит путаницу в мозги обывателей, то что говорить о временах Рюрика и варягов?

ПАЦАНЫ «ОТ РОДА РУССКОГО». Тут мне припоминается спор, приключившийся у меня в 2009 году с академиком Петром Толочко — яростным отрицателем норманнской теории. Оказавшись, по приглашению Петербургского университета профсоюзов, на одной и той же научной конференции, мы уселись в экскурсионном автобусе, ехавшем в Юсуповский дворец, на соседних сиденьях и заспорили о вечном варяжском вопросе. Создавали они Русь

или она сама создалась из славян, потягивавших медовуху? Я был, естественно, за варягов (как, кстати, и Нестор Летописец!). А Петр Петрович, как верный продолжатель школы Грекова и Рыбакова, — против. И тогда я спросил его: «Ладно, пусть, по-вашему, Нестор Летописец врет, и никакого призвания варягов из Скандинавии не было, но скажите, почему тогда финны до сих пор называют Швецию — Русью (Руотси), а Россию — Венедией (Веняия)? Скажите хоть тут, в тех местах, где эта история когда-то завязывалась!»

Русско-финский словарь 1913 г. «Швеция — Руотси»

Увы, академик Толочко не нашелся что ответить и весьма на меня обиделся. Хотя наша газета в любую минуту может предоставить ему возможность для ответа. Но сути дела это не меняет. Ведь все равно остаются те же «проклятые» вопросы. Почему все первые киевские князья, от Аскольда и Дира до Игоря и Ольги, носят скандинавские имена? Почему в договоре, заключенном от имени князя Олега с Византией в 911 году, с «нашей» стороны подписались тоже исключительно «пацаны» с варяжскими прозвищами? Цитирую по той же «Повести временных лет»: «Мы от рода русского: Карлы, Инегелд, Фарлоф, Вельмоуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фаслав, Рюар, Актевоу, Труян, Лидул, Фаст, Стемид, иже посланы от Олга великого князя Русского». Почему среди них нет ни одного славянского Добрыни, хотя бы захудалого?! Или какого-нибудь Толочко?

НОВГОРОД ПОСТОЯННО БРАЛ КИЕВ ШТУРМОМ. И, в конце концов, почему не только Олег Вещий, но и почти всякий русский князь, утверждавшийся надолго на киевском столе, приходил в город на Днепре с севера — из Новгорода? И Святослав, и Владимир Святой и Ярослав Мудрый проделали именно этот путь, чтобы стать киевскими князьями. Причем два последних, как и их предшественник, Олег, сделали это с помощью **ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫХ ПОХОДОВ.** Ведь тогда выходит, что их база и опора — Новгород — был сильнее Киева?

А так и есть. Как написал один средневековый трубадур: «Хотите вы иль не хотите, а доблестнее победитель». Именно опираясь на Новгород, Олег захватил Киев у Аскольда, Владимир — у своего брата Ярополка, а Ярослав — сначала у Святополка, а потом — и у Мстислава. Интересно, почему же официальная «столица» этих новгородских претендентов с далекого севера не заломала, как охотник медведя? Да потому, что Новгород был самым богатым городом на Руси. Его населяли исключительно пассионарные люди, видевшие смысл жизни в накоплении богатства и подвигах. Поезжайте и убедитесь.

Доказательства налицо и сегодня. К примеру, в Киеве НИКОГДА в древнерусские времена не было каменных оборонительных стен (тут везде только валы и деревянные заборы), а Господин Великий Новгород был одет в сплошное кольцо каменных укреплений, сохранившихся до сих пор. И это, как ничто другое, свидетельствует о его тогдашней

экономической мощи. Новгород был богаче Киева. Значительно богаче! И даже гривна новгородская весила 200 г серебра, а киевская — только 160. Поэтому в Киеве из камня возводили только ворота (Золотые, Софийские, Лядские и др.), а в Новгороде — и ворота и стены. Да и Русь дошла до Новгорода куда раньше. По причине географической близости с Русью изначальной — то есть Швецией, которую финны называют Руотси.

Тут я должен напомнить об одном «научном» скандале, прогремевшем в Петербургской Академии наук, всего через двадцать четыре года после ее основания императором Петром I. 6 сентября 1749 года академик Герхард Миллер — немец по происхождению — прочитал коллегам по Академии доклад «О происхождении народа и имени российского».

В ответ академики рассвирепели и принялись крыть бедного Миллера отборнейшим русским матом. Особенно орал академик-астроном (все астрономы, физики и математики, как известно, считают себя крупными специалистами еще и в гуманитарных науках!) Никита Петров. «Ты, Миллер, позор нашей науки!» — вопил он, чем-то неуволимо напоминая обезьяну, слезшую с ветки прямо в академический зал заседаний. А как крыл «немца-вредителя» талантливейший народный самородок родом из-под Архангельска Михайло Ломоносов, возмнивший себя великим историком! Прямо на поморском диалекте!

СВИНОПАС СУДИЛ АКАДЕМИКОВ. Академики, стопудово, еще и наломали бы Миллеру бока. Но он был мужчиной большой физической силы и отменного бесстрашия. К тому же вооруженный шпагой, полагавшейся академикам по форме. Поэтому ученая братия, опасаясь, что обученный фехтованию немец пропорет им животы, если они посмеют напасть на него даже скопом, просто накатала на Миллера донос президенту Академии наук, ГЕТМАНУ Кириллу Разумовскому, заложив тем самым ЛУЧШИЕ ТРАДИЦИИ отечественной исторической науки. Не можешь переспорить оппонента? Обвини его в антирусскости, антиукраинскости или антисоветчине. Одним словом, в неприятии официального политического курса. Впрочем, на Западе с этим дела тоже обстоят немногим лучше. Не дай Бог в Европе и США попасть в число тех, кого считают «неполиткорректными». Это же ужасное «преступление»!

Что же такого страшного сообщил коллегам академик Миллер? А всего лишь то, что Киевскую Русь основали НЕ славяне, а ВИКИНГИ, приплывшие из Швеции. Их Нестор Летописец называл в «Повести временных лет» «варягами». «И от тех варягов прозвалась Русская земля», — писал он в «Повести временных лет».

Но президент Академии наук Кирилл Разумовский — сын свинопаса из села под Киевом — не разбирался ни в каких науках. И главой Академии, и гетманом Украины он стал только потому, что был братом любовника императрицы Елизаветы Петровны — Алексея Разумовского, такого же сына свинопаса и специалиста по пению. Елизавета заметила его в придворной церкви, где он драл глотку во славу Божию. Как большой барин (из хама — пан), гетман-академик ни в чем лично разбираться не стал. Это отвлекало его от игры в карты и амурных подвигов. Он поручил расследовать варяжский вопрос самому автору доноса — Михаилу Ломоносову. А тот пришел к выводу, что доклад Миллера оскорбителен для подданных Российской империи.

«Ежели положить, что Рурик и его потомки, владевшие в России, были шведского рода, — настрочил Ломоносов Разумовскому, — то не будут ли из того выводить какого опасного следствия... Оно российским слушателям будет весьма досадно и огорчительно»... Видите, как переживал за нас с вами!

После этого академику Миллеру запретили заниматься происхождением Руси, а доклад

его уничтожили. До конца жизни Миллер (а прожил он немало — почти 80 лет!) изучал историю открытия Сибири. Вместо парадного портрета в отечественной науке остался только его силуэт.

Академик-историк Миллер не дал себя в обиду рассвирепевшему физику Ломоносову. И оказался прав

Но и в более гуманные времена происхождение Руси оставалось физически опасной для историка темой. Причина тому крылась не в исторической науке, а в БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКЕ.

В XVIII столетии Россия трижды воевала со Швецией — при Петре I, Елизавете Петровне и Екатерине Великой. Поэтому рассказывать, что Русь основали именно шведы, считалось жутчайшей крамолой. Особенно яркой антишведкой была Екатерина II. По происхождению немка, она больше всего боялась упреков в «нерусскости» своей политики.

Только при Александре I — внуке Екатерины, — в 1811 году, закончилась последняя русско-шведская война. Тогда же, после окончательной победы над шведами, стало возможным не только читать Нестора Летописца о происхождении Руси, но и делать выводы из прочитанного.

Все самые авторитетные историки XIX столетия — Николай Карамзин, Сергей Соловьев и Василий Ключевский — в споре Миллера и Ломоносова принимали сторону Миллера и... Нестора Летописца, на которого Миллер опирался. Их называли «норманистами», потому что основатели Руси, шведы, были норманнами. В дословном переводе норманны — «люди Севера».

ОДНО СЛОВО — СЛАВЯНЕ. Теперь, когда мы это выяснили, давайте вернемся в

далекий VIII век и бросим взгляд на карту тогдашней Европы. Никакой Руси в наших краях еще нет. Как нет ни древнерусских, ни древнеукраинских, ни древнебелорусских племен. Себя эти люди называют дреговичами, кривичами, радимичами, древлянами, полянами, северянами и прочими красивыми именами, говорящими о том, в каких условиях они живут (в «дрягве» — болоте, или в чистом поле) или же об именах их первых предводителей — Радим, Вятко. Даже деление на восточных, западных и южных славян еще достаточно условно. Славяне живут единым массивом от Балтики до Адриатического моря. Венгры, которые вторгнутся на территорию Паннонии и сделают из нее Венгрию, разделившую славян на три ветви, придут чуть позже — в следующем, IX столетии.

Да и различия между славянами еще мизерны. Почти один язык, различающийся пока только полногласием на востоке и неполногласием на западе. Предки русских говорили «молоко», «ворота», а сербов и чехов — «млеко», «врата». (Полногласие — это когда в языке только открытые слоги, заканчивающиеся на гласный звук, а неполногласие — когда есть и закрытые.) Вятичи и радимичи, ставшие впоследствии основой великороссов (нынешних русских), пришли, согласно «Повести временных лет», «от ляхов» — то есть с территории нынешней Польши. А поляне живут и в Польше, и под Киевом. Наличие двух племен с одинаковыми названиями свидетельствует, что когда-то это было ОДНО племя, разделившееся в процессе расселения славян по Европе.

Гимназическая карта начала XX в. Не скрывала то, что прячут сегодня от украинских школьников

Сама же Европа представляет собой нечто вроде нынешнего Евросоюза — политическую власть в ней захватили франки, составлявшие правящую элиту Франции и Германии. Франкская династия Каролингов объединила под своей властью почти всю Западную Европу, кроме Испании и Италии, и уже подумывает о том, чтобы объявить себя императорами. А из Скандинавии на эту соблазнительную картину жадно поглядывают викинги — те самые варяги, которых финны, живущие рядом с ними, называют «руотси». Варяги прикидывают: кого бы первого ограбить? Франков на Западе? Или славян на Востоке?

ЗА МЕХАМИ И ДЕВКАМИ. Во второй половине VIII века викинги, приплывшие из

Швеции, основывают свою укрепленную факторию в Ладоге на реке Волхов. Тогда это была земля финнов, а теперь — Ленинградская область. Эти первые русы берут дань с окрестных племен (в основном мехами и красивыми девушками) и везут этот товар на Волгу, чтобы обменять в городе Булгар на «доллары Средневековья» — серебряные дирхемы, которые чеканят в Арабском халифате — самой сильной державе тогдашнего мира. До Рюрика еще почти сто лет! Интересно, как описывает эти события наша древнейшая летопись — «Повесть временных лет»? А вот как: «Собирали дань варяги из заморья с Чуди и со Словен, и с Мери, и с Веси, и с Кривичей»...

Рюрик не был первым варягом, оказавшимся на земле славян. Викинги промышляли тут уже за сто лет до него

Чудь, Меря и Веси — это финские по происхождению племена. Словене и кривичи — славянские. И что же было дальше? «Изгнали варягов за море, — продолжает Нестор Летописец, датируя это событие 862 годом, — и не дали им дани, и начали сами собой управлять, и не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица — воевать стали между собой»...

Ну просто, как в наши дни, не правда ли? Изгнали Гитлера с его дивизией «Викинг» и начали усобицу, выясняя, кто больший славянин. А теперь ищем новых варягов. Точно, история повторяется!

Археологические раскопки показали, что Нестор и его летопись говорят правду. Скандинавы основали Ладогу в середине VIII столетия, а ровно через сто лет город подвергся внезапному нападению и был сожжен. На пожарище полно наконечников стрел славянского и финского типа. Наверняка, задрал своей «цивилизаторской» миссией варяжский форпост окрестных славян и финнов. Однако сто лет — это очень большой отрезок времени. Есть даже перечень скандинавских королей Ладоги, известный благодаря сагам!

Славяне — данники Руси

Византийцы писали, что славяне были «данниками русов». А путешественники с арабского Востока описывали русов как «людей, подобных пальмам», торгующих девушками.

Автор «Повести временных лет» не знал имен норманнских конунгов, правивших в Ладоге, до того, как она была разрушена после восстания славян в середине IX века. Для него они были просто «варягами из заморья», которые «имаху дань на Чюди и на Словенех, на Мери и на Веси и на Кривичах».

Но скандинавские саги сохранили воспоминания об этом первом периоде Руси — в том числе и о первых королях Ладоги, которую норманны называли Альдейгюборгом (от финского Аллоде-йоки — Нижняя река). Эта информация хорошо известна историкам. И российским, и некоторым украинским.

Идолы языческих богов из Старой Ладogi — первой столицы варяжской Руси

Вот что пишет в опубликованной в 2011 году статье «Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадки Ладogi и Плисненска» завкафедрой истории средних веков Львовского университета им. Ивана Франко Леонтий Войтович: «Ряд скандинавских саг из цикла «саг о древнейших временах», «Песня о Хюндла» из «Старшей Эдды» и «Младшая Эдда» Снорри Стурлусуна рассказывают о ранней истории Ладogi, рассматривая ее как центр одного из скандинавских королевств (в этот период таких «королевств» в скандинавских землях и на территориях, контролируемых викингами, было более сотни)... «Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» рассказывает, что в Альдейгюборге правил старый конунг Хергейр, который имел жену Искерд и дочь красавицу Ингигерд. Эйстейн подошел к Альдейгюборгу со своим войском, завоевал этот город, после него конунгом стал Хальвдан, который позже завоевал Бярмаланд (Корелу. — Л. В.) и вернулся с победой в Альдейгюборг».

«Сага о Стурлауге Работящем» рассказывает, что в Альдейгюборге правил старый конунг Ингвар, который имел дочь Ингигерд, отказавшую Фрамару, шведскому викингу, который прибыл в Альдейгюборг с 60 дракарами. Тогда Фрамар вернулся в Швецию, получил помощь от Стурлауга, который захватил город, сделал Фрамара в нем конунгом и выдал за него Ингигерд. И правил сначала Фрамар, «советуясь с лучшими людьми в той стране».

Информацию, сходную со свидетельствами саг, дает и так называемая Иоакимова летопись, сведения которой дошли до нас в пересказе В.Н. Татищева. Предположение о существовании летописи, составленной первым новгородским епископом Иоакимом и

опиравшейся на местную традицию, является достаточно обоснованным. Еще Б. Клейбер отметил, что один из источников, который касался круга «саг о давних временах», мог стать основой Иоакимовой летописи... Понятно, что указанный ряд саг отражает реалии существования небольшого княжества («королевства») с центром в Ладоге, в котором во второй половине VIII — начале IX в. доминировали викинги, вождь которых имел титул конунга. Рассказы об этих событиях складывали разные скальды... Эти рассказы также отражают разновременные эпизоды борьбы за Ладогу различных групп викингов».

Я специально позволил себе эту пространную цитату, чтобы доказать читателю: подлинная наука не имеет ничего общего с политикой. Табу на норманнскую теорию происхождения Руси пало в конце советской эпохи. В 1986 году московское издательство «Прогресс» выпустило замечательную книгу «Славяне и скандинавы». В нее вошли статьи советских и зарубежных историков, исследовавших встречное движение славян с юга и викингов с севера на излете раннего Средневековья. Этот межэтнический контакт и произошел в районе Ладоги в IX веке. На землях, которые до них заселяли малочисленные племена финской Чуди, столкнулись две волны завоевателей.

Хата викингов. Этой передовой технологии русы научили славян, живших до того в полуземлянках

ИНГЛИНГИ — ПРЕДШЕСТВЕННИКИ РЮРИКОВИЧЕЙ. Ближайшее к варяжской Ладоге славянское укрепление Любша находилось на противоположном берегу реки Волхов, всего в двух километрах по течению. Враги практически стояли друг против друга, оспаривая контроль над торговым путем на юг. Похожие противостояния будут случаться и в значительно более поздние времена. Вспомните, как в эпоху Ивана Грозного на одном берегу реки Нарова находилась крепость Тевтонского ордена Нарва, а напротив — русская крепость Иван-город. Именно с русской атаки на Нарву из Иван-города началась многолетняя Ливонская война.

Но вернемся из XVI столетия на рубеж VIII и IX веков и снова предоставим слово Леонтию Войтовичу: «Хальвдан Старый известен не только из древних саг. Это представитель династии ютландских конунгов, родственных с датскими Скольдунгами и норвежскими Инглингами. Ранняя генеалогия этих династий ужасно запутана... Где-то в

последней четверти VIII в. норвежский конунг и пират Эйстейн захватил Ладогу и укрепил свое положение браком с вдовой предыдущего конунга Хергейра.

После его гибели ладожским конунгом стал его сын Хальвдан Старый, который втянулся в грабительские походы в Бярмию и другие территории на побережье Балтики. Похоже, противостояние шведских и норвежских викингов в борьбе за Ладогу стало постоянным. В 782 г. Хальвдан Старый выступил претендентом на владение во Фрисландии, а вскоре утвердился в западной части Ютландии и даже претендовал на датский престол после смерти конунга Готфреда в 810–812 гг., что дало основания причислить его к династии Скольдунгов, с которыми, наверное, он был тоже в родстве.

Наличие в Ладоге значительных фризских материалов позволяет предполагать, что Хальвдан или какой-то из его сыновей продолжали периодически удерживать Ладогу. Шведские вожди пытались ее вернуть. Такое удачное нападение на Ладогу около 852 г. или раньше, в котором приняли участие шведский викинг Фрамар, Стурлауг и сын Стурлауга Хрольв, отразили указанные саги. Фрамар стал ладожским конунгом и сначала правил, «советуясь с лучшими людьми в той стране».

До той поры в Ладоге и округе уже сформировалось славяно-финское общество с вкраплением старой местной варяжской руси, лидером которого был Гостомысл. В результате восстания славян и финнов в 860 г. (исходя из Древнейшего свода) или 865 г. (судя по тотальному пожару) Фрамар потерял Ладогу. И местные вожди после этого вполне логично обратились к Рюрику, сыну Хальвдана, чтобы с помощью датских (ютландских) викингов отражать нападения шведских».

ПРОЗАПАДНОЕ ЛОББИ ГОСТОМЫСЛА. Итак, призвание Рюрика — не выдумка летописца, составившего «Повесть временных лет». А Иоакимова летопись не придумана Татищевым, как утверждают некоторые скептики. Ее информация ничем не противоречит скандинавским сагам и данным археологии. Захватившие Ладогу «руотси» столкнулись с противодействием славянского и финского населения. Крепость норманнов, в которой на протяжении века правили различные норманнские конунги, — говоря попросту, предводители соперничающих бандитских кланов — разгромили местные «крутые пацаны» — славянско-финская группировка.

Но среди них не было согласия («воста род на род»), началась междоусобица, торговля с Западом по Балтийскому (Варяжскому, как оно тогда называлось) морю прекратилась. И тогда лидер прозападной группировки среди славян Гостомысл (обратите внимание на его говорящее имя: «гость» в переводе означает «заморский купец») решил сделать ставку на викинга Рюрика и его клан. Так на севере нынешней России утвердилось династия Рюриковичей.

Давайте не идеализировать эту первую Русь. Ни святости, ни утонченной культуры, ни высокой цивилизации она не несла. Викинги были жестокими и грубыми людьми, интересовавшимися, прежде всего, наживой.

В конце VIII века народы Скандинавского полуострова демонстрируют неожиданный всплеск активности. У норманнов рождалось много сыновей, которым было нечем заняться на родине. Бедная природа Швеции, Дании и Норвегии была не в силах прокормить их. Молодые ЛЮДИ СЕВЕРА сбиваются в вооруженные банды и отправляются в заморские походы. Первой в 793 году их удар испытала Англия. Более полувека викинги грабили страну, а потом захватили ее восточную часть и основали тут свое государство со столицей в городе Йорк.

Следующей целью норманнов стали богатые города Западной Европы. Их нападениям подверглись Гамбург, Париж, Тулуза, Лиссабон и Пиза. Рим дрожал от страха перед возможным нашествием морских варваров. Молитва «Боже, избавь нас от норманнов» стала самой популярной в Европе.

Они не только ограбили прибрежные города Европы, но и открыли Исландию, Гренландию и страну Винланд — то есть Северную Америку. Их интересовали только богатство, власть и женщины. Но самое интересное! Везде, где появлялись норманны, они пытались основать свои государства. Правители викингов утвердились на востоке Англии, на севере Франции — в Нормандии, и даже в Италии. В Италии викинги основали Королевство обеих Сицилий.

В то время, когда норвежцы и датчане свирепствовали на Западе, взоры шведов обратились на восточное побережье Балтики. Тут жили финны. А южнее их — славянские племена. Норманны обнаружили, что славянские женщины красивы и умеют любить настоящих мужчин.

Но любовь быстро надоедает. Особенно если женщины в избытке. Вскоре норманны поняли: чтобы избавиться от надоевшей девушки, ее лучше всего... ПРОДАТЬ! А покупатели уже были тут как тут.

ЖИВУТ ТЕМ, ЧТО БЕРУТ У СЛАВЯН. Неподалеку, на слиянии Волги и Камы, находился город Булгар. Викинги стали отвозить туда живой красивый товар и продавать его арабским купцам, приезжавшим из Багдада. Славянские красавицы стали украшением гарема Багдадского халифа. Именно этих викингов, торговавших славянскими девушками в Булгаре, арабы и называли русами. В IX–X веках арабские путешественники четко отличали русов от славян.

Ибн Фадлан: «У каждого из них скамья, на которой он сидит, и с ними девушки-красавицы для купцов»

Вот как описывает купцов-русов арабский путешественник Ибн Фадлан: «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл (т. е. Волги). Я не видал людей с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом... И при каждом из них имеется топор, меч и нож, причем со всем этим он никогда не расстаётся. Мечи их плоские, бороздчатые, франкские».

Но особенно араба поразили татуировки, которыми русы-викинги покрывали свои тела: «От края ногтей иного из них до его шеи имеется собрание деревьев, изображение картинок и тому подобного».

А дальше Ибн Фадлан указывает цель пребывания русов в Итиле и их разгульные, чисто бандитские привычки: «У каждого из них скамья, на которой он сидит, и с ними девушки-красавицы для купцов. И вот один из них сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. А иногда собирается целая группа из них с таком положении один против другого, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и наталкивается на него, сочетающегося с ней. Он же не оставляет ее, пока не удовлетворит своей потребности».

Еще один арабский географ — Ибн Русте, живший в начале X века, — писал: «Русы живут на острове, окруженном озером, лесистом и болотистом. Его размеры исчисляются тремя днями пути вдоль и поперек. Жители острова имеют правителя, которого называют каганом русов. Они ходят в походах на ладьях на славян, берут их в плен и отвозят на продажу булгарам. Численность народа рус — 100 тыс. человек. Они не пашут, и живут тем, что берут у славян. Многие славяне поступают к ним на службу, чтобы таким образом обеспечить себе безопасность».

НОВГОРОД-ХОЛЬМГАРД. Этот описанный арабами «остров русов» долго вызывал недоумение у историков. Пока они не обратили внимание на то, что саги викингов называли «городом на острове» — Хольмгардом — тот, что мы именуем Новгородом! Хольмгард, в переводе, — «крепость на острове». Хольмгард-Новгород был столицей Руси еще до Киева. Сама же Русь возникла как обычная экономическая компания викингов, промышлявших разбоем и работоторговлей.

Лучшее оружие IX в. Вот что принесло успех «руотси» в земле славян

«Варяжское государство в России, — проводил параллели американский историк Ричард Пайпс в книге «Россия при старом режиме, — напоминало скорее великие европейские торговые предприятия XVII–XVIII вв., такие как Ост-Индская компания или Компания Гудзонова залива, созданные для получения прибыли, но вынужденные из-за отсутствия какой-либо администрации в районах своей деятельности сделаться как бы суррогатом государственной власти. Великий князь был... купцом, и княжество его являлось по сути дела коммерческим предприятием, составленным из слабо связанных между собой

городов, гарнизоны которых собирали дань и поддерживали — несколько грубоватым способом — общественный порядок.

Князья были вполне независимы друг от друга. Вместе со своими дружинами варяжские правители Руси составляли обособленную касту. Они жили в стороне от остального населения, судили своих по особым законам и предпочитали, чтоб их останки хоронили в отдельных могилах. Варяги правили с известной небрежностью. В зимние месяцы князья в сопровождении дружины ездили в деревню, устраивая доставку дани и творя суд и расправу».

«Славяне — данники русов», — писал в «Книге об управлении империей» византийский император Константин Багрянородный. Но как же так получилось, что норманны-руотси перешли в конце концов на славянский язык своих данников?

Бездомный князь Рюрик

Приглашенный новгородскими словенами навести порядок конунг Рюрик считал себя прямым потомком бога Одина. Получается, Русь создала чисто арийская династия.

Рюрик. Щурился, вспоминая одноглазого предка

Существуют две версии происхождения этого основателя династии, которая правила Русью целых 700 лет — с IX по XVI век! По одной из них Рюрик принадлежал к датско-шведскому королевскому роду Скъелдунгов, считавших своим прародителем, ни много ни мало(!), одноглазого бога Одина. Поверье, ходившее в Скандинавии, гласило, что сын Одина — Сигрлами — правил какой-то частью Гардарики (так скандинавы называли территорию Руси) за девять поколений до короля Ивара Широкие Объятья — то есть примерно в IV в. н. э. Наш Рюрик якобы и был прямым наследником этого Сигрлами Одиновича.

Вторая, менее распространенная версия, гласит, что Рюрик — это Эйрик Эмундарсон, король шведского города Упсала. Его вспоминает в «Круге земном» знаменитый скальд Снорри Стурлусон, рассказывая о тинге (народном собрании), созванном в Упсале в 1018 году. Один из участников этого схода предложил отправиться в поход на Аустрленд (Восточную землю — еще одно название Руси у варягов) и обратился к королю Швеции Олаву Шетконунгу с такой гневной речью: «Торгнир, мой дед по отцу, помнил Эйрика Эмундарсона, конунга Упсалы, и говорил о нем, что пока он мог, он каждое лето предпринимал поход из своей страны, и ходил в различные страны, и покорил Финланд и Кирьялаланд, Эйстланд и Курланд, и много земель в Аустрленд. И можно видеть те земляные укрепления и другие великие постройки, которые он возвел... А если ты хочешь вернуть под свою власть те государства в Аустрвеге, которыми там владели твои родичи и предки, тогда все мы хотим следовать в этом за тобой».

ТОТ, ДА НЕ ТОТ. Достославный конунг Эйрик, которого «помнил» дед автора этого призыва, должен был жить где-то в середине IX века, то есть во времена Рюрика, упомянутого «Повестью временных лет». Финланд — это Финляндия. Кирьялаланд — Карелия. Эйстланд — Эстония. Курланд — Курляндия, земля племени куршей. Аустрвег —

Восточный путь, на котором располагались государства Аустрленда — тот самый, который наша первая летопись именует «путем из Варяг в Греки». Король Эйрик из Упсалы вполне мог владеть этими землями некоторое время, что согласуется с текстом Нестора летописца: «Имаху дань варязи из Заморья на Чюди и на Словенех, на Мери и на Веси, и на Кривичах».

Но вряд ли этот Эйрик Эмундарсон (что значит «сын Эмунда») был Рюриком летописи, ставшим родоначальником Рюриковичей. Эйрик и Рюрик — разные имена, хотя и близкие по значению. Эйрик (Eric, Erik) означает в переводе с древнегерманских наречий «богатый честью». Рюрик (Ro/rik) — «славный знатностью». Обратите внимание и на то, что летописи передают имя основателя династии Руси именно как Рюрик, а не Эрик. А писали тогда, как слышали, приспособливая чужеземные слова к славянскому произношению.

Кроме того, Рюрика «Повести временных лет» славяне «призвали», а Эйрик из Упсалы сам везде являлся, без спросу, с целью пожить всем, что плохо лежало. По-видимому, именно этого ненасытного персонажа или кого-то из его потомков и выперли славяне и финны с южного берега Балтики назад — в Заморье, раз уж его разбойничью «честь» с таким трепетом вспоминали представители младших поколений шведских бандюков на сходняке-тинге в 1018 году.

Скандинавская надпись «Rorikr» показывает, что руны произошли от латинской азбуки

СКИФИЯ — ВЕЛИКАЯ ШВЕЦИЯ. Следовательно, куда больше шансов считаться прародителем Рюриковичей у того Рюрика, что происходил от конунга Сигрлами и воображал себя потомком самого Одина — бесстрашного бога, спустившегося в царство мертвых, Хель, и отдавшего один глаз за право обладать рунами — тайной письма. Письменность скандинавы позаимствовали у древних римлян. Их руны — это переиначенные и приспособленные для вырезания на дереве буквы латинской азбуки. А путешествие в Римский мир действительно было для древних германцев чем-то вроде экскурсии в царство мертвых — оттуда, пока Рим был силен, мало кто возвращался.

В предании о Сигрлами, который якобы правил в Гардарики в стародавние времена, отразились реалии эпохи Великого переселения народов. В III–IV веках племя готов, вышедшее из Скандинавии, подчинило себе территорию нынешней Украины, называвшейся тогда Скифией. Столицей этого готского государства был загадочный днепровский город — Данпарштадир, по мнению некоторых дореволюционных историков, существовавший на территории Киева. Саму же Скифию скандинавы именовали по созвучию имен — Великой Швецией. «К северу от Черного моря расположена Великая, или Холодная Швеция, — писал

в «Круге земном» тот же Снорри Стурлусон. — Некоторые считают, что Великая Швеция не меньше Великой Страны Сарацин, а некоторые равняют ее с Великой Страной Черных людей».

До сих пор на юге современной Швеции существует обширная область Геталанд (Готия), граничащая со Свеаланд — собственно Швецией в узком смысле. Люди Севера эпохи викингов хорошо помнили своих предшественников — готов эпохи Великого переселения народов. Поэтому их так и манило на юг — в Холодную Швецию, в Скифию — откуда открывался путь на нынешний Ближний Восток: в «Великую страну сарацин», в Йорсолаланд (Ерусалим) и даже в Африку — «Великую страну черных людей».

Но, несмотря на пышные родословные и «божественное» происхождение, скандинавские конунги времен Рюрика находились в весьма шатком положении. Свои земли они наживали по праву силы и так же легко теряли, стоило удаче изменить им.

К тому моменту, как объявиться в районе Ладоги и Новгорода, наш бедный Рюрик был практически бездомным — королем-бомжем. Он приходился родственником (как полагает большинство исследователей, племянником) датскому королю Харальду Клаку, проигравшему в 814 году войну за престол своему сопернику Хорику I и изгнанному из страны. Обратите внимание на пикантную деталь, которая пригодится нам в дальнейшем. Хорик прогнал Харальда из Дании, наняв отряд шведских викингов. В это же время шведы контролируют Ладогу. Так что у Рюрика были все основания обрадоваться, когда через полстолетия после потери его династией датского трона славяне, изгнавшие из Ладоги шведов, попросили на княжение именно его — какая прекрасная возможность отплатить на старости шведам за детскую обиду!

Император Запада Людовик Благочестивый то сажал Рюрика в тюрьму, то выпускал погулять по морям

ЯЗВА ХРИСТИАНСТВА. Впрочем, ни Харальд Клак, ни Рюрик не собирались отдавать своим врагам Данию без боя. Они обратились за помощью к сыну Карла Великого — императору Запада Людовику Благочестивому, и даже приняли христианство в 826 году в Майнце вместе с четырьмя сотнями сторонников (говоря попросту — с бандой), чтобы стать «своими» для этого повелителя тогдашней Европы. В обмен на крещение Харальд получил графство Рюстринген во Фрисландии, на берегу Северного моря, и, опираясь на поддержку императора, вторгся в Данию. Харальд и Рюрик пообещали Людовику Благочестивому крестить эту языческую страну. Поэтому вместе с ними к датчанам отправился святой Ансгар, имевший прозвище Апостол Севера. В общем, все было как сегодня: тогдашний Евросоюз, называвшийся Империей, распространял по окраинам свои евроценности, а заодно — экономическую власть.

Однако язычник Хорик собрал войско и в 829 году снова изгнал наскоро окрещенных

Харальда и Рюрика из Дании. И даже Христос им не помог. Да еще и император отобрал у неудачливых «миссионеров» графство во Фрисландии. Оба они в результате оказались в тюрьме у императора, заподозренные в измене. Харальд вскоре умер, видимо, не вынеся таких ударов судьбы. А Рюрик дал деру, после чего сделал логичный вывод, что битье поклонов Иисусу — еще не гарантия победы. И тут же пустился во все тяжкие, вернувшись к вере в своего «прародителя» — одноглазого Одина. Так он и стал тем, кого обычно называют «плохим парнем»: предводителем шайки морских разбойников — викингов.

Одно время логовом Рюрика был Виринген (Варяжский остров) у побережья Нидерландов. Грабил же купцов и германские города по Рейну этот молодчага с такой обстоятельностью и преданностью разбойничьему ремеслу, что заслужил у хронистов почетное прозвище Язва Христиан. «Бертинские Анналы» — хроника монастыря Сен-Бертен во Франции на берегу Ла-Манша — даже отметила его «подвиги», совершенные в 850 г. особой статьей: «Рёрик, Харальдов племянник, недавно бежавший от Лотаря, набрал целое войско норманнов и множество судов, после чего опустошил Фризию и остров Бетуве и другие места в окрестностях, плывя вверх по Рейну и Ваалу. Лотарь, будучи не в состоянии одолеть его, принял в свои вассалы и дал ему Дорестада и другие графства».

Попасть в «Бертинские Анналы» для тех времен было так же круто, как сегодня — на первую полосу популярной газеты. Видите, как бродяге Рюрику повезло! Почти двенадцать веков с его рождения пронеслось, а о нем не забыли, благодаря монаху, царапавшему по пергаменту в аббатстве Сен-Бертен, от которого до наших дней дошли только эта летопись да каменные развалины.

Один Одноглазый. Считался предком Скьелдунгов

Зато теперь мы с полной уверенностью можем утверждать, откуда у нашего князя Святослава такая страсть к грабежам и это обаятельное «Иду на вы!», произносимое перед очередным походом. От Рюрика! Ведь тот приходился Святославу родным дедушкой. Наверняка маленькому княжичу в детстве столько героической всячины нарасказывали о предке, что он и дня не мог усидеть в Киеве — все рвался в новые земли, где есть чем поживиться благородному человеку! А у дедушки — криминальный талант был от одноглазого Одина. Таким образом, получается, что наши Рюриковичи — прямые потомки скандинавского бога. И гнушаться этим родством не стоит.

ЖИВЫЕ БОГИ. Боги язычников — это чаще всего наделенные харизмой правители седых времен, прародители народов. В дописьменные времена их деяния производили такое впечатление на современников, что после смерти вместе с дымом погребальных костров память о них в прямом смысле возносили на небо, к звездам — на самую верхушку Мирового

Древа, где, по поверьям норманнов, располагался Асгард — жилище светлых Асов (богов). А в Мидгарде — Срединном Мире, там, где начинаются уходящие в Землю корни Мирового Древа, жили люди — наши с вами пращуры. И Радуга соединяла Мидгард с Асгардом мостом, по которому боги сходили на Землю, а души честных и смелых поднимались после смерти на Небо. Так они чувствовали — современники Рюрика. И в это верили, отправляясь в дальние морские походы.

ДРАНГ НАХ ОСТ. Предки нынешних датчан, норвежцев и шведов еще говорили в IX веке на одном языке, что, естественно, облегчало им общение. А Земля славян начиналась сразу за рекой Эльбой. По ней проходила западная граница Империи Карла Великого. Треть нынешней Германии (практически всю территорию бывшей ГДР!) заселяли тогда племена полабских славян — лужичане, лютичи и бодричи. Название земли Бранденбург (Бранный бор), имена городов Росток, Любек, Шверин (Зверин), Цоссен («Сосны»), даже Берлин — все это память о прежнем славянском населении Германии!

Помните крылатое выражение «Встреча на Эльбе»? В 1945 году Красная Армия фактически вышла на древнюю славянскую границу, с которой при Карле Великом начался знаменитый «Дранг нах Ост». Именно он — отец Людовика Благочестивого и дед Лотаря, от которого сбежал в Северное море Рюрик, первым попытался подчинить полабских славян. Тогда не вышло. Зато наследники его в XII в. довели начатое до конца! Ведь лютичи враждовали с бодричами, а те и другие ненавидели лужичей, носивших другое имя — сербы, что говорит о близком родстве этого племени с жителями нынешней Сербии на Балканах.

Западные славяне во времена Рюрика. Треть нынешней Германии была славянской — даже Берлин!

СЛАВЯНСКИЕ РАСПРИ. Полабы вставали «род на род» точно так же, как после первой в нашей истории победы над шведами под Ладогой — словене на кривичей. Поэтому и исчезли со сцены мировой истории, оставшись горсточкой лужицких сербов в современной Германии. И мне думается: что было бы с нашими предками, не пригласи они на княжение Рюрика? Наверное, то же самое, что с лютичами и бодричами. Ведь, как изрек о славянах византийский военный писатель Маврикий в «Стратегиконе» в VII веке: «Они коварны, и НЕ ДЕРЖАТ СЛОВА в отношении договоров. Их легче подчинить страхом, чем дарами. Так как нет среди них единомыслия, то они не собираются вместе. А если и соберутся, то решенное

одними тут же нарушают другие, ибо все они ВРАЖДЕБНЫ ДРУГ ДРУГУ, и никто НЕ ХОЧЕТ УСТУПИТЬ другому».

Во времена Рюрика, через столетие после написания этих слов, психология славян ничуть не изменилась. От Эльбы до верховьев Волги славяне разговаривали тогда на ОДНОМ языке. Ни польского, ни русского, ни украинского еще не существовало. Но каждое славянское племя ЛЮТО (недаром же одно из них так и называлось — лютичи!) ненавидело другое. Потому и платили кривичи и словене дань варягам, а поляне, северяне и вятичи — хазарам.

Рюрикова прививка строгого германского духа, тяготеющего к порядку, и впрыск холодной норманнской крови в бурлящую брагой своеволия кровь славянскую спасла нас от судьбы несчастных лютичей. Прав был Гостомysl!

Хельги и Ингварь против Хаскульдра

В отличие от официальных историков, мы смотрим на раннюю историю Древней Руси, как на обычные бандитские разборки — «рюриковских» с «аскольдовскими».

Выдумка летописца. Поляне не могли платить дань хазарам мечами. У полян просто не было мечей. Мечи были у викингов!

Не стоит воображать, что, хапнув около 862 года Ладогу и Новгород, Рюрик оказался монополистом по эксплуатации славяно-финских угодий. Корпорация Рюриковичей на тот момент всего лишь освоила участок Аустрвега (Восточного пути), что начинался в устье Невы. Другой его отросток шел по Западной Двине до Полоцка. Там тоже хозяйничали варяги. Только, как говорится, из конкурирующей фирмы. Эту «контору» поглотит лишь правнук Рюрика — будущий князь Владимир Святой, когда посватается в 978 году к Рогнеде — дочери полоцкого князя Рейнгвальда («Повесть временных лет» называет его Рогволодом), происходившего, как и Рюриковичи, из варягов. Рогнеда, как известно, Владимиру отказала, а он в ответ взял ее силой, а папашу и братьев убил.

Чтобы укрепиться в Полоцке, стать общепризнанным правителем и наплодить детей, нужны годы. Следовательно, примерно в то время или чуть позже, когда Рюриковичи появились в Новгороде, то есть где-то в конце IX — начале X века предки Рангвальда укрепились в Полоцке — столице славянского племени полочан.

За обширными Полесскими болотами, чуть южнее того места, где с запада в Днепр впадает Припять, а с востока — Десна, в земле полян, располагался Киев — маленький, но чрезвычайно перспективный благодаря географическому положению городишко. До прихода викингов поляне платили дань другим рэкетирам — хазарам. Но тут объявились викинги и все исправили самым лучшим образом. Причем не без черного юмора.

СКАЗКА ПРО МЕЧИ. В составе первой русской летописи имеется так называемое «Сказание о хазарской дани». Вот оно: «Нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам, и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?». Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Недобрая дань эта, княже. Мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны — саблями. А у

этих оружие обоюдоострое — мечи. Им суждено СОБИРАТЬ ДАТЬ и с нас, и с иных земель». И сбылось все это, ибо не по своей воле говорили они, но по Божьему повелению».

В этом историческом ракетирском анекдоте, который Нестор не удержался включить в свою «Повесть» для развлечения читателей, сплелись реалии сразу нескольких эпох. Чуть ниже летописец напишет, что хазары все-таки брали дань с полян! И не мечами, а «по белой выверице» от дыма. То есть по белке. Такую же дань стригли хазары с северян и вятичей. Все эти три славянских племени освободились от хазарской дани только после прихода с севера викингов — русов. До этого момента славяне не употребляли в бою мечей. Их основным оружием были копья, дротики и стрелы. Защитного вооружения, кроме щитов, поляне, северяне и вятичи тоже не использовали. «Бронь» (доспех), «шлем» и «меч» — германские заимствования в славянском языке. Эти слова пришли вместе с варягами. Мечи хазарам (причем с угрозой и издевкой!) могли показать только викинги. Они сами покупали это оружие в портовых городах Балтики, куда их привозили из мастерских, расположенных на Рейне. Подавляющее большинство мечей IX–XI веков, найденных на Руси, именно германского или скандинавского происхождения. Их лезвия украшены клеймами рейнских мастеров или руническими надписями. Длинный меч, которым можно разрубить кольчугу, требовал чрезвычайно сложной технологии изготовления. Кузнецы полян еще не владели ею в IX столетии, когда хазары явились за данью.

Варяжская русь (те самые «руотси») не только изгнали из Киева хазар, но и охотно брали славянских юношей в свои отряды. У варягов не было к славянам религиозных предубеждений — и те, и другие были язычниками. Хазары же в правление кагана по имени Булан (середина VIII в.) приняли иудаизм — религию «избранного народа», отгородившую их непроницаемой стеной от соседей.

Через два-три поколения после появления в Киеве, скандинавские викинги слились с местным населением, пережившись на славянских девушках. Победа варяжских русов над хазарами стала восприниматься потомками полян, как «своя». Произошло так называемое вытеснение — исчезновение из рассказа одного из элементов. Причем самого важного — викингов! Тем более, что рассказчики были уже потомками этой победившей хазар руси и славянских полян, слившихся в один новый народ с названием от скандинавского предка и языком от славянского. Нестор записал народное предание о дани мечами в конце XI столетия. Но он помнил, что поляне стали называться «русью» только после прихода варягов, что и отразил в однозначной формулировке: «поляне, которые ныне зовутся русью». Так-то!

Сначала с севера в Киев попали не потомки Рюрика, а их соперники — Аскольд (Хаскульдр) и Дир. Имя последнего в переводе со староскандинавского означает «зверь». Такое прозвище вне всякого сомнения свидетельствует в пользу версии об исключительной «гуманности» его носителя.

В переводе с древнескандинавского имя соратника Аскольда — Дир — означает «Зверюга»

«Повесть временных лет» именует Аскольда и Дира «боярами» Рюрика. Но повествование Нестора — это официальная хроника победивших Рюриковичей. Есть и другая версия, оттиснутая на дальнюю полку книгохранилища истории. Это так называемая Псковская 2-я летопись. Она определяет статус знаменитой тройцы и отношения внутри нее совсем иначе: «А князья в те годы были на русской земле: от варягов три князя, первому имя Скальдъ, а второму — Дирь, а третьему — Рюрик»...

Иными словами, все трое — русы и никто из них не подчинен друг другу! Да и зачем Аскольду было подчиняться Рюрику, если он САМ захватил Киев, называвшийся тогда, согласно повествованию Нестора Летописца, «Польскою землей» — от имени племени полян, родственников нынешним полякам: «Аскольд и Дир остались в граде сем и, соединив многих варягов, начали владеть Польскою землею». Чего ж не владеть, если варягов у тебя много? И зачем идти к кому-то в бояре?

На старте карьеры Аскольд, как и Рюрик, был одним из «морских конунгов». Так называли отпрысков знатного рода, оставшихся без уделов. Эта категория безземельных аристократов зарабатывала на жизнь пиратством. Вместо земли у них было только море со всеми его «дарами»: сегодня рыбкуловили, завтра кровушки человеческой попили... Будет день, будет и пища!

Крейсер «Олег». Носил имя заклятого врага Аскольда. Все это наша история!

На пиратском поприще Аскольд добился успехов не менее значительных, чем Рюрик. Если тот грабил империю Западную — побережье нынешней Франции и Германии, то этот на пару со «зверюгой» Диром решил обчистить сундуки империи Восточной — Византии.

Именно Аскольда «Повесть временных лет» называет предводителем ПЕРВОГО В ИСТОРИИ похода русов на Константинополь, датируя это событие 866 годом: «Пошли Аскольд и Дир войной на греков и пришли к ним в 14-й год царствования Михаила. Царь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет походом на Царьград, и возвратился царь. Эти же вошли внутрь Суда, множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы во Влахерне, и вынесли они с песнями божественную ризу святой Богородицы, и смочили в море ее полу. Была в это время тишина, и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и снова встали огромные волны, разметало корабли безбожных россов, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой».

Загадочное «Суд», куда прорвался флот Аскольда, означает не храм Правосудия, как кто-то подумал, а бухту Золотой Рог. Это еще одно древнескандинавское слово, проникшее в нашу первую летопись. На языке древних свеев и данов *sund* означало «протока», «канал». Так и видишь рать конунга Хаскульдра, подплывающую к гирлу Золотого рога и радостно орущую: «Сунд! Сунд!» Именно со стороны Золотого Рога Константинополь был наименее защищен, что не могло не обрадовать викингов.

Крейсер «Аскольд». В начале XX века оказался в одном строю с «Олегом»

С ДАТАМИ НЕПОРЯДОК! Греческие хроники тоже отметили эту военную экспедицию Аскольда. Но датируют ее не 866, а 860 годом. Эта дата однозначно доказывает, что никаким боярином Рюрика Аскольд быть не мог. Рюрик утвердился в Ладоге, согласно летописи, только в 862 году, а двести кораблей Аскольда атакуют Царьград... двумя годами раньше. Разве мог Аскольд после похода, пусть и неудачного, вернуться не в Киев, а в расположенную куда дальше на север Ладогу, чтобы упросить Рюрика, как это утверждает автор «Повести временных лет», снова отпустить его на княжение... в Киев!

Конечно же, бравый варяг Асколд-Хаскульдр — совершенно независимый от Рюрика персонаж. Плевать он на него хотел. Он не только вел самостоятельную политику («гнул свои козыри», как говорят пацаны), но и активно соперничал с Рюриком за контроль над славянскими землями — по-нынешнему, «лохторатом».

К примеру, «Никоновская летопись» утверждает, что в 873 году Рюрик, уже крепко

обжившись в Новгороде, раздает города Полоцк, Ростов и Белоозеро на кормление своим сторонникам (кто не понял — «братве»), а Аскольд и Дир «того же лета воеваша полочан и много зла сотвориша». То есть аскольдовские назначили рюриковским стрелку в Полоцке и малость их отмудохали. Видать, между двумя группами викингов разгорелся нешуточный конфликт за территорию! Победы в нем Аскольд, правила бы Русью династия не Рюриковичей, а Аскольдовичей. Но судьба отвернулась от организатора налета на Константинополь. Да и не было ему кому оставить нажитое — согласно той же «Никоновской летописи», сын Аскольда в 872 году погиб в походе на болгар. А других наследников у князя не оказалось.

Правда, и рюриковский «лохторат» не был бессловесной скотиной. То и дело подбрасывал сюрпризы. Та же «Никоновская летопись» утверждает, что население Новгорода косо смотрело на новую партию варягов, хоть и вроде бы добровольно призванных. А так как выборов с метанием бумаги в урны еще не придумали, новгородский плебс решил поднять восстание: «Того же лета оскорбишася новгородци, глаголюще: «Яко быти нам рабом и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его». Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев — советников его».

Вот в это я верю! Это по-нашему! Пригласили, сказали: «Придите и володейте нами!» Мол, порядка нет. А потом разочаровались и еще кого-то захотели на смену пригласить. Но не тут-то было! Рюрик оказался варягом тертым. Он никого спрашивать не стал, что ему делать и какую форму правления выбирать. А спросил бы — не было бы и сегодня никакой Руси. Одно вече с утра до ночи вещало бы по всем каналам и радиоточкам бесконечным ток-шоу и воплями: «Что делать?» и «Кто виноват?»

Рюрик знал, что делать. Знал это и Олег, оставшийся опекуном при малолетнем сыне Рюрика — Ингваре, когда старый разбойник отдал концы и торжественно отбыл в царство богини смерти Хель. Он собрал варягов, чудь, словен, мерю, весь и кривичей, добрался до Киева и, выдав себя за купца, замочил Аскольда. Аскольд грустил, оставшись без сына. Войско его потопло в походе на Константинополь... Прирезать такого беднягу было проще простого.

И только теперь Олег торжественно провозгласил: «Се буди мати градом русским!» То есть до этого торжественного момента никакой «матерью» русским городам Киев НЕ БЫЛ. Его на эту должность назначил великий реформатор Олег. Видимо, парень малограмотный и совершенно не смущавшийся тем, что слово «Киев» — мужского рода. Двоечник вы, князь Олег!

«Иоакимовская летопись», выдержки из которой сохранились благодаря Татищеву, называет Олега — шурином Рюрика (братом одной из его жен) и «урманином» — норманном по происхождению: «Имел Рюрик несколько жен, но более всех любил Ефанду, дочь князя урманского, и когда та родила сына Ингоря, ей обещанный при море град с Ижорою в вено дал».

Неравный брак. Норманнская княжна Ефанда родила старому Рюрику сына Ингваря в обмен на землю племени Ижора на берегу Балтики

Вено — это выкуп за невесту. В те времена женщины жили меньше мужчин из-за высокой смертности при родах. Поэтому их ценили. Не приданого искали, а наоборот, готовы были платить за красивую и, главное, плодовитую жену. Дочь норманнского конунга Ефанда справилась со своей задачей, хотя Рюрик был уже давно не первой молодости — ему перевалило за шестьдесят. Вено, полученное за рождение сына, стоило того. Ижора — это земли финского племени, жившего в окрестностях нынешнего Петербурга на берегу Балтийского моря. Самое начало торгового пути «из варяг в греки». Видно, что Рюрик ценил свою жену.

По словам летописи Иоакима, Рюрик «видя же сына Ингоря весьма юным, доверил княжение и сына своего шурина своему Олегу, чистому варягу, князю урманскому... Олег был муж мудрый и воин храбрый, слыша от киевлян жалобы на Оскольда и позавидовав области его, взяв Ингоря, пошел с войсками к Киеву. Блаженный же Оскольд предан киевлянами и убит был и погребен на горе, там, где стояла церковь святого Николая, но Святослав разрушил ее, как говорят».

В истории захвата Киева потомками Рюрика, по версии «Повести временных лет», Олег выскакивает из ладьи, держа на руках маленького Игоря, и гордо заявляет Аскольду и Диру: «Вы не князья и не рода княжьего, но я — княжьего рода, а это СЫН РЮРИКА».

И сказал Олег Аскольду и Диру: «Я — от бога Одина. А вы от кого стоите, пацаны?»

БОЖЕСТВЕННАЯ «КРЫША». Это предание сохранило не так реальные обстоятельства «битвы за Киев», как юридическое обоснование претензий Олега. Викинги Аскольд и Дир хорошо знали о генеалогии Рюрика, считавшего себя потомком самого бога Одина. Но сами такой «крышей» похвастаться не могли. Олег словно спрашивает: «От кого стоите, пацаны? Я — от Одина. А рядом со мной «правильный» ребенок — доказательство моих предъяв. А у вас какие козыри?» Все чисто конкретно, как и сегодня. И понятно без дополнительных комментариев.

Уточнение «Иоанновской летописи», что Олег приходился родным дядей Игорю, психологически объясняет, почему он так носился с племянником. Этот поздний чудоребенок был не только главным аргументом, но и залогом жизненного успеха самого Олега, чье скандинавское имя Хельги в переводе означает «святой». Олег — славянизированный вариант Хельги, а эпитет Вещий, которым наградила князя народная молва, — еще один вариант перевода слова «хельги» на язык подвластных норманнам славянских племен.

Но все это наше прошлое. Хотя норманнских корней у него не меньше, чем славянских. В начале XX века Российский императорский флот пополнился несколькими кораблями, названными в честь первых русских князей и их сподвижников. Были среди них «Варяг», «Рюрик», «Боярин», а также — «Аскольд» и «Олег». Корабли, носившие имена двух заклятых врагов, оказались в одном строю. Вот так и надо относиться к истории!

Отец городов русских!

Как объяснить дикое выражение летописца «Киев — мать городам русским»? И если Киев — мать, то кто тогда «папа»?

Пришельцы с севера. Русы, завоевавшие полянский Киев в конце IX века, были смесью варягов, новгородских словен, смоленских кривичей и финов

По словам великого русского историка XIX столетия Василия Ключевского, «Новгород является старшим сыном России, родившимся, однако ж, прежде матери». В этой блестящей фразе, на которые и вообще был мастер Василий Осипович, звучит явная ирония по поводу выражения, вложенного Нестором Летописцем в уста князя Олега. Завоевав в 882 г. Киев ударом из Новгорода через Смоленск, тот, если верить Нестору, якобы сказал: «Се БУДЕТ мать городам русским».

ЖЕНСКИЙ РОД КИЕВА. Фраза действительно смешная. Пришел в Киев... и назначил его матерью. Почему, интересно, род перепутал? Впрочем, путанице с родом у меня есть объяснение. Согласно дореволюционному правописанию, «Киев» писался как «Кієвъ» — с твердым знаком в конце. Но в IX веке твердый знак (этому учат на любом филологическом факультете) еще не успел отвердеть. Он обозначал гласный звук — так называемое редуцированное, то есть, слабое «о», стоявшее в безударном положении. Выходит, во времена князя Олега говорили не «Киев», а «Киево». А это похоже на «Киева».

Арабские путешественники той эпохи именно такую форму этого слова и зафиксировали в своих текстах — «Киеба». Эту самую Киебу-Киеву и назначил предприимчивый норманнский конунг Хельги в «матери» государству, которое он создавал мечом и кровью, завоевывая одно за другим славянские племена. Почему это никому прежде в голову не пришло? В этом, по-моему, виновата наша система высшего образования. Филологам обстоятельно преподают древнерусский и старославянский языки, но курс древнерусской истории излагают в самых общих чертах — примитивнейшим образом. А историки, наоборот, не особенно налегают на языки. Вот вам и печальные последствия узкой специализации, не позволяющей одним нос оторвать от текста, а другим — приподнять голову над археологическим раскопом!

Ключевский: «Новгород — старший сын России, родившийся, однако ж, прежде матери»...

ПЛАГИАТОРАМ НА ЗАМЕТКУ! Версия о нечаянной причине «материнства» Киева, поменявшего благодаря развитию языка род с женского на мужской принадлежит мне. Нигде больше (у других авторов или в других исследованиях) вы ее не найдете. Поэтому всех возможных плагиаторов и нарушителей моих авторских прав предупреждаю сразу: посмеете использовать ее без ссылки на меня, сделаю с вами то, что Олег с князем Аскольдом. Только по суду — в рамках нынешнего законодательства. А уж мучить своих врагов я умею. Будете рыдать, как те «пираты», что перепечатывали воровским способом мою «Тайную историю Украины-Руси». Этих негодяев пару лет назад я превратил в полных банкротов, добившись возбуждения против них уголовного дела и конфискации контрафактной продукции.

Сделав это предупреждение, позволю себе поспорить с Ключевским по поводу Новгорода-сына. Не сын он никакой Руси, а самый настоящий ОТЕЦ! Собственно, глубоко уважаемый мною Василий Осипович и сам мог бы прийти к такому умозаключению. Из его «Набросков по варяжскому вопросу» этот вывод напрашивается сам собой. «Объединительное движение с юга, из Киева, вверх по Днепру, — писал Ключевский, — не подтверждается ни одним, даже легендарным, свидетельством источников: это чистая догадка, выведенная из гипотезы о туземной Киевской Руси. Напротив, обратное движение, с севера, из Новгорода, вниз по Днепру, описано в летописных известиях об Олеге».

Новгород, приславший русскую армию Олега в полянскую Киеву, по сути, «покрыл» или, если вам больше нравится, оплодотворил будущую «мать» своим мечом, не особенно спрашивая на то ее согласия. Меч, кстати, — это типичный фаллический фрейдистский символ, особенно уместный для описания древней ситуации «зачатия» Руси варягами.

Русы у стен Царьграда. В 860 году столицу Византии спасло только Божье чудо — внезапный шторм

Но, кроме мечей, легко захватить Киев Олегу помогла еще и случайность. Ведь Аскольд тоже был варягом и у него тоже были мечи. Но рук, чтобы их держать, не осталось. В 860 году, во время набега на Константинополь, флот князя Аскольда разметала внезапно налетевшая буря. Берега у Царьграда — каменистые и опасные. Они состоят сплошь из каменных обломков. Недаром море между Босфором и Дарданеллами называется Мраморным. На славянских реках викинги были вынуждены отказаться от тяжелых дракаров. Чтобы легче перетягивать свои корабли по волокам и проходить днепровские пороги, они перешли на славянские легкие одnodеревки. Но такие суда плохо подходили для плавания в Черном и Мраморном морях. Любой каприз погоды отправлял на дно целые эскадры.

Стены Константинополя. И сегодня производят впечатление. А каково было Аскольду с Олегом!

Именно так и произошло с воинством Аскольда. Византийцы приписывали случившееся Божьему чуду — вмешательству самой Богородицы. Патриарх Фотий опустил ее плащаницу в море с помощью специального ритуала. На другую защиту потомкам древних римлян

рассчитывать не приходилось. Империей ромеев правил Михаил III — тот самый, при котором, по словам автора «Повести временных лет», «нача ся прозывати Руская земля... при сем цари приходиша Русь на Царьгород».

Но в школе нам не рассказывают, что император Михаил носил прозвище... Пьяница. Под ним он и вошел в историю. Царь греков больше всего любил проводить время на ипподроме и в тавернах с друзьями — по-нашему, в забегаловках. Довольно странное пристрастие для владыки такой великой державы, как Византия. Однако у Михаила Пьяницы было свое представление о счастье. Самое большое удовольствие императору доставляло наблюдать, как кто-то в его пьяной компании залезал на стол, снимал штаны и пердежом тушил свечи. Это что же нужно было съесть, чтобы получился такой цирковой номер! Тем не менее, эти неприличные подробности — исторический факт, сохраненный для потомков византийским писателем Симеоном Метафрастом: «За столом в пьяной компании товарищи его пиршеств состязались в бесчинствах, а царь любовался этим и выдавал награду до ста золотых монет самому грязному развратнику, который умел испускать ветры с такой силой, что мог потушить свечу на столе».

Никто бы не подумал, что император Михаил больше всего любил смотреть, как тушат свечи, «пуская газы»

ГОСПОДЬ-ШАЛУН. И вот этому грязному развратнику помог сам Господь Бог и «испустил ветры» такой силы на русский флот, что отправил его на дно! Результатом Божьей благодати стало то, что Олег, придя из Новгорода, отобрал Киев у оставшегося без флота Аскольда. Но Михаилу Пьянице легче от этого не стало. На штормовом испускании ветров фарт его кончился — в 867 году заговорщики ворвались в спальню императора и зарезали его

прямо в постели. Главой заговора оказался друг царя — простой армянский борец родом из крестьян по кличке Василий Македонянин. На Михаиле Пьянице прервалась Амореяская династия, а на борце Василии началась новая — Македонская.

Все это я рассказываю, потому что именно из Македонской династии будет жена князя Владимира — принцесса Анна. Как видите, даже принцессы могут происходить от самых обычных борцов, потевших на ринге, а заодно — еще и цареубийц. Свою кличку, давшую название целой династии, безродный армянин Василий получил из-за места рождения — он вырос среди славян в провинции Македония. Никакого отношения к Александру Македонскому Василий, естественно, не имел. В Македонии в его времена давно уже жили не греки, а славяне, которые пришли туда во время Великого переселения народов — в VI–VII веках. Простое происхождение и знание славянского языка помогло императорам Македонской династии найти общий язык с русами, в дружины которых вливалось много славян. Но правила Константинополем, по сути, «армянская мафия» — на все высшие государственные посты Василий тащил своих армянских родственников. Даже император Иоанн Цимисхий, с которым будет сражаться сын Игоря — князь Святослав — будет по происхождению армянином.

ДВУЯЗЫЧИЕ СЛАВЯН И РУСОВ. Но если на Михаиле Пьянице Амореяская династия прервалась, то на маленьком Игоре — племяннике Олега — династия Рюриковичей только начиналась. И была жадной без меры, как всякий молодой род, дорвавшийся до корыта. Недаром князя Игоря древляне убили, когда он, собрав дань, решил «походить еще» — то есть, повторно состричь только что уплаченные налоги. Закончилось это, как известно, для князя печально — недовольные древлянские налогоплательщики разорвали ненасытного выходца из Новгорода, привязав его за руки и ноги к согнутому дереву.

С приходом в Киев варягов в наших местах надолго воцарилось двуязычие. Славяне разговаривали на своем языке. Викинги — на своем. А дети тех и других — сразу на двух. Византийский император Константин VII Багрянородный — внук Василия Македонянина — в своей книге «Об управлении империей» (глава «О росах, отправляющихся моноксилами в Константинополь») привел список днепровских порогов на двух языках — на скандинавском («по-русски») и на славянском. Список городов Руси он начинает с Новгорода! «Да будет известно, что приходящие из внешней Росии моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии, а другие — из крепости Милински, из Телиуцы, из Чернигоги, из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава»...

«Моноксилы» — буквальный перевод славянского «однодеревки». Немогард — Новгород. Милински — Смоленск. Чернигога — Чернигов. Вусеград — Вышгород.

«Прежде всего, — продолжает Константин Багрянородный, — они приходят к первому порогу, нарекаемому Эссупи, что означает по-русски и по-славянски «Не спи»... Набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул... Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-русски Улворси, а по-славянски Островунипрах, что значит «Островок порога». Он подобен первому, тяжек и трудно проходим. И вновь, высадив людей, они проводят моноксилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски означает «Шум порога», а затем так же — четвертый порог, огромный, нарекаемый по-русски Аифор, по-славянски же Неасит,

так как в камнях порога гнездятся пеликаны.

Потная работа. На славянских равнинах варяги мигом сообразили, что таскать дракар от речки к речке противно

Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моносилы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внеся груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-русски Варуфорос, а по-славянски Вулнипрах, ибо он образует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои моносилы, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-русски Леанди, а по-славянски Веручи, что означает «Кипение воды», и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-русски Струкун, а по-славянски Напрези, что переводится как «Малый порог».

БЕГЛЫЕ РАБЫ И ПРОВОРНЫЕ ДАНЫ. «Эти балтийские варяги, как и черноморская Русь, — писал Василий Ключевский, — по многим признакам были скандинавы, а не славянские обитатели южнобалтийского побережья или нынешней южной России, как думают некоторые ученые. Наша «Повесть временных лет» признает варягов общим названием разных германских народов, обитавших в Северной Европе, преимущественно по Варяжскому (Балтийскому) морю, каковы шведы, норвежцы, готы, англý».

Хотя роль славянского элемента на Руси постепенно усиливалась, о чем говорит тот факт, что уже внук Рюрика — князь Святослав — носил славянское имя, но влияние скандинавов оставалось сильным в правящей элите вплоть до смерти Ярослава Мудрого. Тот же Ключевский подметил: «В начале XI в. немцы, участвовавшие в походе польского короля Болеслава на князя русского Ярослава в 1018 г., приглядевшись к населению Киевской земли, рассказывали потом епископу мерзебургскому Титмару, дописывавшему тогда свою хронику, что в Киевской земле несметное множество народа состоящего преимущественно из беглых рабов и «проворных данов» (ex velocibus danis), а немцы едва ли могли смешать своих соплеменников с балтийскими славянами».

Кстати, и Константин Багрянородный, и другой византийский историк Лев Диакон знают Святослава как «Сфендослава». Они записали это имя, как слышали, с носовым «ен». Этот звук сохранился сегодня только в польском языке, что убедительно свидетельствует — в IX веке разные славянские диалекты были еще очень близки друг другу. Предки нынешних

поляков и русских еще говорили на ОДНОМ языке!

Но чтобы славянская речь вытеснила «русскую» (то есть, древнескандинавскую), в правящей элите Руси должно было произойти удивительное событие — изобретение славянской азбуки. Эту спецоперацию провели византийцы во времена того же патриарха Фотия, что провернул свое чудо с плащаницей Богородицы. Вот об этом — о так называемой «миссии Кирилла и Мефодия» — в следующей главе.

Секретная миссия Кирилла и Мефодия

Докиевская Русь. К славянам пешком, с Божьим словом и вином.

Михаил III Пьяница был посредственным императором, явно не соответствующим занимаемой должности. Он «возглавил» империю двух лет от роду и поначалу ничего не пил, кроме молока. Большинство славных событий его царствования произошло, когда он еще пускал пузыри в колыбели или делал первые детские шаги по мраморному полу дворца в Константинополе. Профаны часто ставят в заслугу этому владыке Византии восстановление в 843 году иконопочитания. Но забывают, что в год этого «свершения» Михаилу едва исполнилось три (!) года.

Ясно, что по причине младенческого возраста никакого влияния на это эпохальное событие в истории православия, ускорившее христианизацию язычников-славян, он оказать не мог. За императора-младенца правили другие: его мать, императрица Феодора, его дядя — одаренный администратор Варда и патриарх Фотий — талантливый и предприимчивый церковный деятель, по происхождению из армян. Заслуга последнего заключалась в том, что он одним из первых оценил пользу для государства не только острого меча, но и мягких методов психологической войны.

О восстановлении иконопочитания я заговорил не даром. Более чем за сто лет до описываемых мною событий, в 730 году, император Лев III Исавр запретил почитание икон православными. Это было грубым вмешательством в дела церкви. Но на империю наступали арабы, недавно принявшие новую религию — мусульманство. Они одерживали над византийцами одну победу за другой. И Лев Исавр решил, что причиной тому «идолопоклонничество». Дескать, христиане совершают страшный грех, позволяя себе изображать Бога на иконах. Поэтому Господь «отвернулся» от них и перенес свою благосклонность на последователей Магомета, поставившего под запрет любое изображение не только Божества, но даже обычного живого существа как... твари Божьей, сотворенной тем же Отцом Небесным!

На основании этой логичной теории тысячи прекраснейших икон безжалостно сожгли и изрубили в щепки. Страсти накалились настолько, что монахи-иконопочитатели бежали на окраины империи — в Крым, и даже в степи Северного Причерноморья — на Северский Донец, контролируемый хазарами. Там они вырыли первые пещеры, из которых впоследствии возник знаменитый Святогорский монастырь. Византия же надолго

погрузилась в смуту, порожденную грубым насилием иконоборцев над сторонниками традиционного христианства.

Но к началу IX столетия ситуация кардинально изменилась. Арабов удалось отбить. И оказалось, что никакого отношения к уничтожению икон победа эта не имеет. Ее принесли реформаармии и объединение как иконоборцев, так и иконопочитателей против общего врага.

Зато теперь назрела новая проблема — авральная христианизация славян-язычников, угрожавших Империи с севера и уже занявших территорию нынешних Болгарии, Сербии и Хорватии. Эти милые люди в одежде из домотканого полотна, которого часто не хватало даже на рубашки, совершали набеги на Грецию в одних штанах, надеясь разжиться чем-нибудь еще, чтобы прикрыть голое тело, искусанное комарами и мухами. Не имея другого оружия, кроме копий и луков, славяне обожали нападать из засады, прятаться в болотах, куда ни один приличный римский воин не рисковал забираться, и выскакивали из грязи в самый неожиданный момент с грозными и часто нетрезвыми криками, представлявшими самые невообразимые комбинации отборнейшего мата.

Примерно так выглядели ранние славяне. Современная реконструкция

Впрочем, у этих обаятельных варваров были и свои слабости. Незлые от природы, они «велись» на такие простые вещи, как доброе слово, веселая музыка и... дармовое вино. Последнее внушало византийским культуртрегерам оптимизм: значит этих «детей природы» можно было заманить в церковь сладким хоровым пением и там «взять» причастием, вся суть которого заключалась в глотке сладкого вина из ложечки, заботливо протянутой священником. В отличие от арабов, предпочитавших легкие наркотики, вроде «плана», балканские славяне, склонные к алкоголю, всей душой были готовы воспринять религию Христа и превратиться из врагов в союзников Византии. Ведь после причастия хочется «добавить» еще, а запасами вина и технологией его изготовления на тот момент обладали только ромеи. Сами понимаете, что приобщать к этим благам цивилизации каких-то необразованных варваров ЗА ТАК коварные византийцы не собирались.

НАРОД ЛЮБИТ КАРТИНКИ! Но технически проблему христианизации славян в столетие иконоборчества тормозило отсутствие у церковных пропагандистов «наглядного материала». Мышление милых полудикарей было образным, а сами они сплошь

неграмотными по причине полного отсутствия какой-либо славянской письменности и даже алфавита. На детские умы славян эпохи раннего Средневековья можно было воздействовать только «комиксами» — красочными изображениями евангельских сюжетов в виде «святых картинок». Следовательно, во имя скорейшего распространения Слова Божьего, а заодно и своего идеологического влияния Византия просто не имела другого выхода, как вернуть изображения Иисуса и Апостолов на хоругви и стены церквей. Что она и сделала в 843 году.

Воспитание варваров. Христианство учило самому простому: «Не убий!» и «Не укради!»

В переводе с греческого «апостол» — посланник. Так называли первых учеников Христа. Патриарх Фотий чувствовал себя новым апостолом. А, может, (кто знает?) даже пытался уподобиться Сыну Божьему. Ведь у него тоже были ученики, готовые, подобно Апостолу Андрею, отправиться в Тавриду и на Дунай, чтобы проповедовать диким туземцам Евангелие и отучать их от вредных привычек приносить человеческие жертвы идолам и топить в Купальскую ночь девушку в реке, чтобы пополнить «гарем» водяного еще одной русалкой.

Патриарх Фотий преподавал в Константинопольском университете — единственном тогда высшем учебном заведении на всю Европу! Учеников у него было много. Но самыми известными в истории оказались так называемые «солуньские братья» — Кирилл и Мефодий.

Солуньскими их прозвали по имени места рождения — греческого города Салоники, вокруг которого осело множество славянских переселенцев. Происхождение братьев-просветителей не вполне ясно. Одни считали их славянами. Другие — греками. Точно известно только, что оба были билингвами: и греческим, и славянским они владели как родными. До пострижения в монахи Мефодий сумел даже дослужиться до должности стратига Славинии — византийской провинции на территории современной Македонии. Знание языка подчиненных (а стратиг объединял как военную, так и гражданскую власть), несомненно, способствовало его государственной карьере и облегчало общение со славянами, пробравшимися в пределы Империи. Как видим так называемых «нелегалов» хватало уже в те стародавние времена!

Простой образ Георгия Победоносца был славянам понятнее любых абстрактных премудростей

ЗВЕЗДА ВИЗАНТИЙСКИХ ТОК-ШОУ. В отличие от брата, Кирилл сразу пошел по научной линии. Женитьбе на богатой невесте он предпочел монашеский постриг и должность хранителя библиотеки в Софийском соборе, а на публичных богословских диспутах, представлявших в те глубоко религиозные времена нечто наподобие сегодняшних ток-шоу, буквально клал противников на обе лопатки. Говорят, что иконоборцы, державшие спорить с Кириллом, после дискуссии с ним едва уползали в свои скучные, лишенные каких-либо изображений логова. Просто жег глаголом насквозь!

Нашествие русов Аскольда на Константинополь в 860 году произвело неизгладимое впечатление на патриарха Фотия. Старик (впрочем, во время знаменитого налета ему стукнул только сороковник) здорово струхнул. Он посвятил этому событию сразу две проповеди, произнесенные перед прихожанами в Соборе Св. Софии. «Горе мне, — восклицал Фотий в первой из них, — что я вижу, как народ грубый и жестокий окружает город и расхищает городские предместья, все истребляет, все губит, нивы, жилища, пастбища, стада, женщин, детей, старцев, юношей, всех поражает мечом, никого не жалея, ничего не щадя; всеобщая гибель! Он, как саранча на жатву и как плесень на виноград, или, лучше, как зной или тифон, или наводнение, или не знаю что назвать»...

Внутренний вид Святой Софии. Именно тут родилась спецоперация «Славянская письменность»

Видите, как прихватило! Во втором послании патриарх даже назвал нашествие русов «Илиадой бедствий» и дал бессмертное описание нравов наших предков, которое так не любят цитировать современные историки: «Эта свирепость простиралась не только на человеческий род, но жестоко умерщвляла и всех бессловесных животных: волов и лошадей, птиц и прочих, какие только попадались; лежал вол и около него человек, дитя и лошадь получали общую могилу»...

Может, антинорманистам все-таки будет лучше признать этих кровожадных пришельцев с севера норманнами, а не славянами? Хотя я убежден, что некоторая часть славян в дружинах Аскольда, осадивших Царьград, уже все-таки была. Ведь жажда грабежа не знает этнических ограничений.

В общем, как подвел итог красноречивый патриарх перед развесившей уши паствой: «Я уверен, что все сознали (как способные постигать отношение Бога к людям, так и не умеющие понимать судеб Божьих), вообще все вы, я думаю, сознали и уразумели, что отяготевшая над нами опасность и грозное нашествие народа постигли нас не от чего иного, как от гнева и негодования Господа Вседержителя»...

Сделали вывод и русы, которых штормом разметало по всему морю. Причем тоже строго в представлениях той эпохи. Если небо наслало на нас такой ужасающий шторм, значит, Бог ромеев сильнее наших языческих богов. Уже в 867 году в «Окружном послании» Восточным Патриархам Фотий гордо отрапортовал, что страшный и воинственный «народ россов», причинивший недавно столько бед, сам принял христианскую религию. Это было первое крещение Руси — пока еще Руси Аскольда. То есть самого конунга и его варяжской дружины.

НА БОГА НАДЕЙСЯ, А САМ НЕ ПЛОШАЙ! Но полагаться только на неожиданный шторм византийцам больше не хотелось. Император Михаил Пьяница подрос и с молока перешел на более крепкие напитки. А вокруг патриарха Фотия в это же время сложился кружок интеллектуалов, решивший: пока владыка Византии пьет и не может взяться за оружие, придется действовать другим путем — словом. Так появилась на свет амбициозная византийская программа христианизации славян и создания для них азбуки, чтобы можно было перевести для новой паствы богослужебные книги.

В 863 году Кирилл с помощью брата и нескольких учеников (как мы бы сказали теперь — «научной группы») создал первый вариант славянского алфавита — так называемую «глаголицу». В буквальном переводе — «говорилку». Это было не такое простое дело, как кажется. Проблема заключалась даже не в том, чтобы придумать буквы, а в разделении славянской речи на фонемы — отдельные повторяющиеся с определенной частотой звуки, для обозначения которых эти буквы следовало подобрать. Но кирилло-мефодиевцы середины IX столетия блестяще справились с задачей, поставленной церковным руководством.

Так выглядит текст, записанный «глаголицей» — первой славянской азбукой, придуманной Кириллом и Мефодием

Последствия не замедлили сказаться. В 864 году крестился хан Борис — правитель Болгарии. Подобно тому, как на Руси власть захватили викинги-русы, давшие название новому государству, в Болгарии славянами правила одноименная тюркская орда. Она прикочевала аж с Волги через наши причерноморские степи и во времена Кирилла и Мефодия стремительно славянизировалась, переходя на язык своих подданных. Хану даже дали новое крестильное имя — Михаил. В честь византийского императора, продолжавшего беззаботно пьянствовать в Константинополе. В Болгарии Бориса почитают Равноапостольным — как у нас князя Владимира. И тоже именуют Крестителем. С помощью новой азбуки свирепого кочевника удалось несколько смягчить, ознакомив его с такими простыми истинами, как «не убий» и «не укради».

МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ. Но Борис очень скоро сообразил, что Константинополь слишком уж психологически давит на него своими проповедями, а попросту говоря — политическими инструкциями, и тут же подчинил Болгарскую церковь

конкуренту Фотия — Римскому Папе Николаю I, с которым константинопольский патриарх обменивался взаимными анафемами. Под юрисдикцию Константинополя болгарская церковная «контора» вернулась только в 870 году, когда византийцы согласились предоставить ей широкую автономию. Тут уж пришлось всплакнуть Риму, потерявшему перспективное угодье, с которого можно было брать десятину.

В первой половине 60-х гг. IX ст. Кирилл и Мефодий сумели утвердить византийский вариант христианства с богослужением по-славянски, а не на непонятной латыни в Великой Моравии и в Блатенском княжестве возле озера Балатон в современной Венгрии, где никаких венгров тогда еще не водилось, а жили только славяне. Уже после смерти брата Мефодий в 874 году крестил чешского князя Буривоя и его жену Людмилу.

Что удивительно: в тех славянских странах Запада, где побывали Кирилл и Мефодий, до сих пор сохранились явные симпатии к Руси и восточному православию, несмотря на все последующие усилия папского Рима. А в Польше, куда братья не дошли, православие на дух не переносят. Там мозги паствы изначально обработали католические миссионеры, привившие матрицу неприятия к восточному христианству от Византии. Старые счеты Рима и Константинополя сказываются на нашей жизни и сегодня. Только граница между двумя мирами пролегает теперь не по Чехии и Моравии, а по Украине. Тут ныне разгорается решающая битва за души.

Бродяга Свентослав

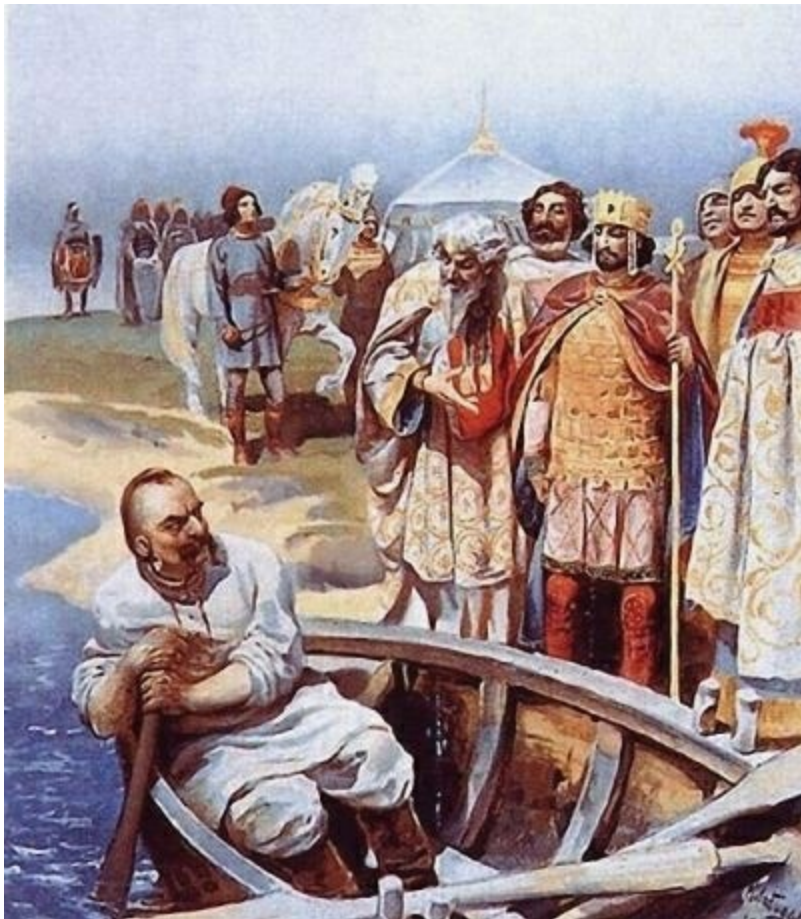
Киев так и не стал для Святослава родиной. Его тянуло на Юг.

Святослав. Был первым Рюриковичем, носившим славянское имя. Но в жилах этого нордического блондина — сына Хельги и Ингвара — не было ни капли славянской крови

Имя многое может рассказать о его хозяине. Святослав — первый из пришлой в Киев династии Рюриковичей, кто называл себя не на варяжский, а на славянский манер. Следовательно, викинги к его рождению уже прилично ославянились на местной почве. Обросли бабами, детьми и местными родственниками.

Но в X веке современники произносили имя знаменитого князя немного не так, как мы — Свентослав. Причем «ен» звучало в нос — в древнерусском языке в этой позиции стояла так называемая носовая гласная. Из славянских языков, бывших тогда намного ближе друг другу, чем сейчас, она сохранилась только в польском. В прочих — отмерла. Но византийский историк Лев Диакон, оставивший о борьбе с киевским князем обширные записки, зафиксировал именно эту форму имени — с некоторым греческим акцентом — Сфендослав.

Два «дипломата». Лев Диакон описал встречу русского князя с императором Византии как очевидец

Символом владычества норманнов в землях славян стал погребальный обычай сожжения викинга-руса в ладье.

Славяне не были в те времена мореходами. Зато викинги прославились как отличные морские путешественники. Поэтому в землях глубоко сухопутных славян появились захоронения норманнских конунгов прямо в кораблях. Своих вождей ЗАМОРСКИЕ пришельцы погребали в наиболее привычных для них средствах передвижения. А чтобы покойнику на том свете не было скучно, клали вместе с ним рабыню, специально задушив ее. Это как современного «нового русского» похоронить вместе с его «Мерседесом» и блондинкой. А в бандитские 90-е — еще и вместе с мобилкой.

Кстати, и само слово «князь» позаимствовано славянами у скандинавов. Князь — это славянизированное «КОНУНГ» или «КЁНИГ». То есть, король!

Бешеные споры между «норманистами» и «антинорманистами» по поводу начала русской истории длятся уже почти три века. Накал этих чисто научных, на первый взгляд, страстей — еще одно свидетельство того, что процесс «обрусения» восточных славян и «ославянивания» пришедшей из Скандинавии варяжской Руси проходил в высшей степени болезненно.

Тризна русов. Воины Святослава убивали пленниц, чтобы погибшим побратимам не было скучно в мире тьмы

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДЕФИЦИТ ЖЕНЩИН. Мы живем в обществе, где женщин значительно больше, чем мужчин, а старики численно преобладают над молодежью. В Средние века все было наоборот. Молодая энергия эроса двигала историю. Жили недолго, но ярко. Средний возраст не превышал 35–40 лет. Красивая женщина детородного возраста была высшей ценностью. Замуж брали (точнее, «умыкали» — воровали у родителей), как только у девочек появлялись первые менструации — даже тринадцатилетних, если они успевали созреть для продолжения рода. Несмотря на войны, регулярно сокращавшие поголовье самцов вида «гомо сапиенс», женщины жили еще меньше. Их убивали, прежде всего, роды. И такая статистика в Европе будет прослеживаться до начала XX столетия. Почти до наших времен!

Отряды «морских кочевников» из Скандинавии отправлялись в Аустрленд (на земли будущей Руси) не так за мехами, как за женщинами. По сути это были мальчишеские банды, хотя ученые придумали им стыдливо-нейтральное определение «мужские сообщества». Оседая среди славян и обзаводясь потомством от местных женщин, взятых НАСИЛЬНО, пришельцы сбрасывали задачу воспитания детей на новых жен. Славянские матери не рассказывали своим детям, при каких обстоятельствах их отцы-норманны овладели своими женами. Но пели им песни на славянском языке. Все постыдное и страшное было забыто. Сработал механизм вытеснения из коллективной памяти травмирующих фактов истории. Самый момент «зачатия» нового народа.

Дети от браков варягов-русов и славянок стали на сторону матерей, а не отцов. Пока отцы грабили и воевали, матери пели сыновьям славянские песни и учили их славянскому языку, который теперь называли русским. Так при княгине Ольге произошла наша первая бархатная революция. В результате этого переворота дети викингов почувствовали себя славянами. А рядом с варяжскими именами Рюриков и Олегов засияли славянские имена Святослав и Владимиров.

Славянские матери передали детям от викингов-русов свою речь. Все постыдное и страшное было забыто. Древняя славянка. Реконструкция М. Герасимова.

Но, несмотря на это, в самом Святославе не было ни капли славянской крови. Отцом его был варяжский конунг Ингвар, матерью — варяжка Хельга, которую наша летопись, слегка ослабянив ее имя, называет Ольгой. Лев Диакон — соратник византийского императора Иоанна Цимисхия, встречавшийся со Святославом воочию, описывает яркую **НОРДИЧЕСКУЮ** внешность русского князя — голубые глаза, светлые волосы, вздернутый нос. Для южного Киева такой антропологический тип был тогда такой же редкостью, как и сейчас. Но по культуре Святослав был явно «наш». И даже волосы носил на степной манер — в виде свисающего локона на бритом черепе.

Эта прическа здорово раззадорила «шароварно-галушечных патриотов». Раз есть «оселедец», значит, и запорожские казаки были уже во времена Святослава! Но оселедец — еще не доказательство существования в Киевской Руси казачества. Это древняя прическа кочевников, встречающаяся по всей Великой Степи от Монголии до Венгрии. Турки ее, между прочим, точно так же будут носить в XVI столетии, как и запорожские казаки. А на голове Святослава «оселедец» свидетельствовал, прежде всего, о его связях со степняками. Долгое время киевский князь свирепствовал именно в союзе с печенегам — теми, кто, в конце концов, и сделал из его головы чашу. Уже без всякого оселедца. Просто в серебряной оправе.

Славянское имя не мешало Святославу вести жизнь бродяги-воина, типичную для его скандинавских предков. Характерно, насколько не связан этот князь с Киевом. По

свидетельству византийского императора Константина Багрянородного, первоначально Святослав правил в Новгороде. А главной мечтой его жизни было перенесение столицы Руси на Дунай. Победы он в войне с Византией, осталась бы в истории не Киевская, а Дунайская Русь.

ЧУЖОЙ КИЕВ. Да это и не мудрено. Ведь Киев впервые стал столицей только при отце Святослава — князе Игоре, за которого первоначально правил его дядя Олег Вещий. Но Новгород по-прежнему оставался важнейшим городом на пути из варяг в греки. Именно в Новгороде началось правление как Святослава и его отца Игоря, так и его сына Владимира и внука — Ярослава. Только опираясь на Новгород, можно было овладеть Киевом.

Абсолютный миф — полный разгром Святославом Хазарии. Он нанес ей тяжелый, почти смертельный удар, но до конца так и не покорил. В летописи нет никакого упоминания о вымышленном уже в XX веке Львом Гумилевым взятии князем хазарской столицы Итиль. Зато реальная война отображена достаточно полно: согласно «Повести временных лет», Святослав «одоле козаром и град их Белу Вежу взя. И ясы победы, и касогы».

Белая Вежа — крепость на Дону. Киевскому князю она была нужна, чтобы захватить торговый путь по этой реке, чего он успешно и достиг. То, что донская артерия имела исключительно важное значение, свидетельствует ранг противника, которого одолела Русь. Против киевского войска вышли главные хазарские силы «с князем своим каганом». Кубанские же племена ясов и касогов, по-видимому, являлись хазарскими вассалами. Поэтому набег на них — такое же естественное предприятие, как и поход в землю вятичей — на Оку и к верховьям Волги. Святослав просто отбирал у хазар «кормовую базу», переподчиняя себе подконтрольные им племена. Но до Итиля руки князя просто не дотянулись — отвлек более заманчивый «византийский» проект.

ХАЗАРИЮ НЕ ДОБИЛ. Мифический разгром Хазарии некоторые историки часто ставят Святославу в упрек — дескать, этим он открыл путь на Русь печенегам и половцам. Но не нужно забывать, что Хазария реально не контролировала степи — венгры, например, прорвались на Запад через «хазарские» земли задолго до печенегов, и никакой каган им не помешал. В те времена вообще не существовало границ в современном значении этого слова. Можно было удерживать только опорные пункты на речных путях, где происходил сбор мыта. Да и не виноват Святослав в том, что через двести лет после него на Русь будут совершать набеги половцы! Эту проблему следовало решать его потомкам. А если они с нею плохо справлялись, то и ответственность вся на них — нечего все валить на пращура.

Хазарию же победил не так Святослав, как сама хазарская знать, когда она приняла иудаизм и стала чужой собственным подданным. Религиозные войны и внутренний раскол ослабили эту страну так основательно, что просто грех было не приложить державную руку к «хазарскому наследству». Святослав и приложил, за что честь ему и хвала.

Дунайский поход — гениальное прозрение Святослава, как вспышка молнии, озарившее всю последующую судьбу Руси, России и нынешней Украины. Из него родится и «греческий проект» Екатерины Великой, и русско-турецкая война Александра II Освободителя, и славянофильская мечта о кресте над святой Софией. Последнее особенно парадоксально. Сам Святослав как убежденный язычник ни о каком кресте не мечтал, но похозяйничать в тех местах, где византийцы его водрузили, был не прочь — в конце концов, первична не геополитика, а идеология.

РУСЬ ПОСЛЕКИЕВСКАЯ — ДУНАЙСКАЯ. Блестящая идея Святослава идея —

перекрыть путь всему европейскому товарообороту на Дунае («Тут все блага сходятся!» — сказал он.) слаба лишь тем, что не воплотилась. В противном случае мы получили бы совершенно фантастическую Русь, захватившую все главные восточноевропейские речные пути — по Днепру, Дону, Дунаю и Волге. Венгрия, Чехия и Византия были бы для этой империи всего лишь сателлитами. Святослав знал, что делал: оголяя свой тыл против степи, мобилизуя все силы в одном месте против греков, он шел ва-банк. В случае удачи ему все бы простилось. Но, видимо, в ином был промысел Божий.

В Киеве Святослав, в отличие от христианской партии мира, возглавлял языческую партию войны. Христиане считали, что с Византией следует дружить и торговать. Князь настаивал на том, что дружить можно и потом. Но сначала следует отобрать на Дунае наиболее выгодное место для дружбы. Вот тогда и продиктуем условия!

А перепуганные византийцы замысел русов воспринимали просто как наказание высших сил. «О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинственен и могуч, что он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие, — писал в своей «Истории» Лев Диакон. И продолжал: «Говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос». Гордитесь, соотечественники! наших предков описывали как Божью кару!

Особенно потряс византийцев обряд человеческих жертвоприношений, который практиковали воины Святослава. «Когда наступила ночь, — пишет Лев Диакон, — и засиял полный круг луны, скифы (так называет русов византийский историк. — О. Б.) вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра».

Таковы подлинные нравы святославовой дружины. Меня же больше всего потрясает ее языческое «бескорыстие». Ведь сами могли воспользоваться любовью пленниц! Но считали, что погибшие товарищи не должны остаться без подруг в загробном мире — и отправляли их в подарок мертвецам! Правду сказал Гоголь: «Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей».

Из шестидесяти тысяч русов, напавших на Византию, уцелело чуть больше трети — двадцать две тысячи. Греки называли точную цифру, исходя из того, что по условиям мира должны были снабдить каждого уходившего со Святославом воина двумя медимнами зерна (примерно 20 кг при пересчете на наши меры).

«Сфендослав, — заканчивает Лев Диакон, — оставил Дористол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути им устроили засаду пачинаки — многочисленное кочевое племя, которое пожирает вшей, возит с собою жилища и большую часть жизни проводит в повозках. Они перебили почти всех, убили вместе с прочими Сфендослава, так что лишь немногие из огромного войска росов вернулись невредимыми в родные места».

У Святослава был брат — Улеб. Это имя сегодня мы произносим как Глеб. По происхождению, оно скандинавское. Улеб — это Олав (Олаф). В отличие от Святослава, Улеб, как и княгиня Ольга, уже был христианином.

Брат Святослава Улеб был христианином. Князь убил его, обвинив в поражении от единоверцев брата

ИЗБИЕНИЕ ХРИСТИАН. Потерпев в 971 году поражение от византийцев в Болгарии, Святослав обвинил в этом немногочисленных христиан, бывших в его войске. Согласно Иоакимовской летописи, он приказал замучить Улеба и его сторонников в Белобережье — на острове Березань, и, пообещал после возвращения в Киев поступить так же с остальными приверженцами веры Христа, уже проникшей к тому времени на Русь из Константинополя.

Таким образом, первыми нашими христианскими мучениками стал брат Святослава Улеб и его безымянные дружинники, погибшие на Березани. Летопись сохранит историю о еще об одном мученике-варяге, которого язычники сожгли вместе с сыном в Киеве уже при сыне Святослава — Владимире. Жрецы Перуна выбрали их в жертву по жребию. Думаю, жребий выпал на этих христиан отнюдь не случайно. Жреческая корпорация Перуна была обеспокоена распространением новой религии и решила уничтожить конкурентов.

Но, как бы там ни было, викинги-русы сыграли куда большую роль в принятии Русью христианства, чем обычно думают. Новые идеи приходят вместе с торговлей. Торговлю с Византией в ранней Руси держали варяги. Что же странного в том, что христианизация, в первую очередь, коснулась именно этой этнической группы?

Скандинавские саги о крещении князя Владимира вносят новые детали в привычный нам с детства летописный рассказ. Согласно им, едва ли не решающую роль в выборе веры сыграл конунг Норвегии Олаф Трюгвассон. Якобы именно он, проездом из Константинополя

через Киев, убедил Владимира принять христианство. Самое удивительное, что в наших летописях тоже сохранились следы этой версии!

Два короля Олафа, или рождение Святой Руси

Варяги сыграли выдающуюся роль в крещении наших предков.

Король Олаф Трюггвасон в последней битве. Тело великого конунга, дружившего с князем Владимиром, так и не было найдено. Погибшийполнил ряды «вечно живых героев»

Князь Святослав погиб у Порогов в марте 972 года. От него осталось предание о чаше, сделанной из его головы печенежским ханом Курей, и три сына от разных матерей — Ярополк, Олег и Владимир. Один из мало цитируемых древнерусских хронистов, близких к так называемому Тверскому летописцу, как бы между прочим упомянул: «Есть чаша сия и донныне хранима в казнах князей печенежских, пьют же из нее князья со княгинею в чертоге, егда поймаются, говоря так: «Каков был сий человек, его же лоб есть, таков будет и родившийся от нас».

Пока князья печенежские «поимались» со своими княгинями, ожидая похожего на Святослава породистого приплода, его собственные сыновья устроили междоусобицу, решив сократить на Руси носителей Рюрикова семени до оптимума, а заодно выяснить, кто из них генетически сильнее.

Как известно, победил князь Владимир, в очередной раз подтвердив ставшую уже привычной истину: за кем Новгород, тому достанется и Киев. А остальное и так никуда не убежит.

Я не собираюсь пересказывать о Владимире то, что большинству известно из школьной программы — любой мало-мальски интересующийся историей человек и так знает, что это он крестил Русь и стал прототипом былинного князя Владимира Красное Солнышко. Все же пикантные подробности его правления вы можете почерпнуть, заглянув в мою «Тайную историю Украины-Руси», восьмое издание которой на днях вышло в свет. Меня интересует другое — связи Владимира Святого и его сына Ярослава Мудрого с соотечественниками их предков по мужской линии — скандинавами и участие норманнов в крещении Руси.

Последним святым западного происхождения, почитаемым Русской Православной церковью стал король Норвегии Олаф II — «креститель и просветитель норвежцев». Как и наш князь Владимир, Олаф носит прозвище Святой.

Олаф Святой был современником сына Владимира — Ярослава. «Прядь об Эймунде» называет его любовником шведской жены Ярослава — княгини Ингигерды. Во время пребывания Олафа в Новгороде на службе у Ярослава Олаф (тогда еще не Святой) имел с ней

тайную любовную связь. Но прославился в истории этот персонаж не только этим. Он крестил Норвегию и погиб в битве при Стикластадире в 1030 году с восставшей норвежской знатью, которая решила поддержать датского короля Кнуда Великого. Любовные шашни Олафа Святого с Ингигердой оказались весьма кстати для его посмертного почитания — храмы в честь этого короля были освящены в Новгороде и Ладоге. Как видим, иногда полезно не только Богу послужить, но и завести «правильную» любовницу. Княгиня Ингигерда никогда не любила своего официального мужа Ярослава Мудрого (или Ярицлейва, как называют его скандинавские саги). Ее сердце принадлежало Олафу Святому. Именно за него обещал выдать юную Ингигерду ее отец, но политические соображения заставили шведского короля остановиться на кандидатуре новгородского князя. Новгород был куда богаче бедной Норвегии. К тому же, Ярослав имел хорошие шансы победить в очередной «войне братьев» на Руси и установить власть над Киевом. Расчет этот оказался верным. Потомство Ярослава Мудрого от Ингигерды еще долго правилу Русью. А неудачливому политику Олафу достался утешительный приз — пресловутая «святость».

Крещение ни одной страны не является одномоментным актом. Подобно тому, как у нашего Владимира Святого были предшественники в виде княгини Ольги и князя Аскольда, чья дружина приняла христианство, Олаф II не был первым королем Норвегии, попытавшимся привить этой стране веру в далекого Бога родом из Палестины. Любопытно, кстати, подмечать, как религия распространяется по торговым артериям вместе с обычными материальными товарами. Думал ли Иисус Христос, когда поднимался на крест, что через тысячу лет он победно дойдет до далекой Скандинавии через Русь прямо по пути «из Варяг в Греки»? Наверняка даже не догадывался. А ведь получилось именно так.

Христианство прошло из Византии на Русь и Скандинавию на ладьях викингов по пути «из варяг в греки»

Еще до Олафа Святого Норвегию попытался окрестить современник князя Владимира — король Олаф Трюггвасон — то есть, Олаф Трюггвасонович. «Сон» — это сын на древнескандинавском. Обратите внимание, что в именах северных конунгов очень часто, как и у русских князей, присутствуют отчества. У нас Владимир Святославович. У них — Олаф Трюггвасонович. Это общая династическая традиция, характерная для норманнских правящих династий — как ославянившихся, так и сохранившихся в первоизданном состоянии. Недаром эти харизматические кланы так переплелись в родственных связях.

В «Повести временных лет» упоминается некий варяг, вернувшийся в Киев из Греческой

земли при князе Владимире и с презрением отозвавшийся о языческих идолах, которым еще тогда поклонялся этот правитель и большинство его подданных. В словах варяга явно сквозит неприкрытое превосходство, характерное для новообращенных: «Боги ваши есть дерево. Сегодня есть, а завтра сгниют! Они не едят, не пьют и не говорят и сделаны руками из дерева. А Бог есть един, ему же служат Греки и кланяются». Высказывание летописного варяга почти дословно совпадает с одной из речей Олафа Трюгтвасона из так называемой «Большой саги».

Летописная версия крещения Руси князем Владимиром — рассказ о выборе веры из трех возможных вариантов (иудаизма, мусульманства и христианства) является позднейшим историческим анекдотом. По схеме он точь-в-точь повторяет такой же сюжет о хазарском кагане Булане, тоже призвавшем муллу, раввина и попа, чтобы выбрать наиболее подходящую религию для своего государства. Только Владимир остановился на христианстве, а Булан — на иудаизме. Вот и вся разница. Именно в этих неудачных для последователей Христа «хазарских прениях» о вере принимали участие изобретатели славянской азбуки Кирилл и Мефодий. Наш летописный рассказ — это отчет о реванше христианства на Руси в отместку за проигранный «матч» в Хазарии.

Но в реальности все не могло быть так просто. Чтобы решиться на отказ от язычества, Владимиру было нужно хотя бы элементарно познакомиться с основами конкурирующих мировых религий. Экономические связи государства при этом играли решающую роль. Язычество было местной религией — верой домоседов, поклонявшихся своим болотам и рощам. Стоило выбраться из глухомани, как вы попадали на торговые тропы купцов, исповедовавших совсем другие веры и хорошо знавших, что такое деньги.

Все мировые религии непременно высказывают свое отношение к тому, что мы называем твердой валютой, и интересному процессу приумножения ее. Давать в рост или нет? Копить или пускать в оборот? Бедность — порок или блаженство? Богатство — счастье или наказание? Язычеству все эти проблемы были неведомы. Оно — продукт предшествующей «натуральной» эпохи — дал идолу жертву, заколол ему соплеменника или пленника-иноземца по выбору, и гуляй! Никакой денежной замены кровавой жертве в виде церковной десятины язычество не предусматривало. Хочу, мол, человеческой крови и все!

По свидетельствам некоторых арабских авторов, князь Владимир в бытность правителем Новгорода проявлял живой интерес к исламу и даже разрешил построить в своей северной столице мечеть. Это объяснимо. Через Новгород проходил торговый путь на Волгу и Каспий — в Арабский халифат. Оттуда новгородцам поступала твердая серебряная монета в обмен на меха и рабов — дирхем. Разрешение построить мечеть в Новгороде означало жест доброй воли Владимира по отношению к его тогдашним основным торговым партнерам.

Но вскоре ситуация изменилась. Владимиру удалось захватить Полоцк, а вслед за ним и Киев, который он отобрал у своего старшего брата Ярополка. Весь путь «из Варяг в Греки» со всеми его ответвлениями оказался в руках будущего крестителя Руси. Главным торговым партнером вместо Халифата стала Византия. Тут-то и пришло время подумать о выборе веры. Ведь в отличие от Святослава, его сын предпочитал вести с Константинополем партнерские взаимовыгодные отношения, основанные не на открытом грабеже, а на экономическом расчете.

Согласно «Большой саге», одним из рекламных агентов христианства в Киеве, где утвердился после междоусобной войны Владимир, и стал будущий король Норвегии Олаф I Трюгтвасон.

Он прожил необычную жизнь, полную злоключений и радостей. Родился в начале 960-х годов и приходился правнуком первому королю Норвегии. Его отец — Трюггви погиб в борьбе за власть еще до рождения сына. Беременная Олафом мать — Астрид — была вынуждена бежать из страны в Швецию, а потом в Новгород, где в варяжской дружине, нанятой князем Владимиром для борьбы с Ярополком, служил ее брат Сигурд Эйрикссон. Но по пути в Новгород корабль, на котором плыли Астрид с маленьким сыном, захватили пираты из прибалтийского племени эстов — предки нынешних эстонцев. Олаф провел в рабстве у эстов шесть лет, пока его не выкупил Сигурд, случайно увидевший племянника на одном из базаров, где продавали живой товар.

После этого Олаф, которому исполнилось двенадцать, по протекции дяди, попал в дружину князя Владимира. Норвежского «сына полка», отличавшегося храбростью и веселым нравом, любили. Ценил его и сам «конунг Вальдамар», как называли новгородского князя в скандинавских сагах, что, впрочем, не мешало Олафу завести роман с одной из многочисленных жен своего покровителя — Аллогией.

Захватив Киев, Владимир сплавил варягов в Византию. Об этом эпизоде единогласно повествуют и «Повесть временных лет», и саги, уточняющие, что завистникам удалось убедить нового правителя Киева в опасности пребывания подросткового Олафа Трюггвасона в его ближайшем окружении. В общем, шел обычный дележ захваченного. Победы (даже над Киевом!) на всех не хватило. Юному Олафу пришлось оставить Русь и отправиться в землю вендов — балтийских славян, где он, забыв Аллогию, женился на дочери некоего князя Бурицлава.

Молодой викинг очень любил свою славянскую супругу. Но прожил с ней всего три года. Неожиданно заболев, жена Олафа умерла. И он с горя снова отправился в далекое путешествие — на Русь. Там якобы ему приснился сон о Рае и Аде. А какие еще должны были сниться сны молодому человеку, никогда не видевшему отца, познавшему рабство, войну, любовь и только что потерявшему молодую жену? Во сне ему явилась мысль пойти в Константинополь и принять христианство — ту религию, которая, как никакая другая, утешает познавших горечь страдания.

На обратной дороге из Византии в Норвегию Олаф в Киеве снова встретился с князем Владимиром и обратил его внимание на преимущества религии Христа. Не думаю, что Олаф Трюггвасон был единственным защитником христианства в окружении князя, хотя сага именно ему приписывает крещение Владимира. Вокруг киевского правителя было много проповедников. Но кому мог довериться правитель Руси больше — неизвестному монаху или своему брату-викингу — вояке из королевского рода, уже ступившему на тот путь, который Владимира одновременно пугал отказом от традиций и манил перспективами, открывавшимися за воротами храма? Конечно же, Олафу — товарищу буйной молодости, ставшему христианином!

Пример Владимира, не только лично принявшего христианство, но и крестившего всю Русь вплоть до Новгорода, особенно рьяно стоявшего за старых богов, вдохновил и Олафа. Неожиданно у него появился стимул — вернуть корону отца и поднять крест над Норвегией! В Нортумберленде на земле Англии, где он в очередной раз воевал как наемник, сын Трюггви встретил предсказателя, словно посланного Небесным Отцом. «Ты будешь знаменитым конунгом, — предрек тот, — и совершишь славные дела. Ты обратишь многих людей в христианскую веру и тем поможешь и себе, и многим другим».

В 995 году на всеобщем тинге (народном собрании) Олаф Трюггвасон был избран

королем Норвегии. Памятник ему как крестителю страны до сих пор стоит в основанном Олафом городе Тронхейме, чье название в переводе означает «Дом сильных». Тронхейм стал столицей Норвегии в то время. В его церковь, построенную Олафом Первым, ровно через одно поколение положат мощи Олафа Второго Святого, к которым устремятся толпы христианских паломников.

Именно от Олафа Трюггвасона принял крещение Лейф Эриксон, открывший Америку, Исландия, Гренландия и Оркнейские острова. Но сам король погиб в сражении холодной осенью 1000 года в морской битве у Свольдера, наткнувшись на огромный шведско-датский флот с эскадрой всего в 11 кораблей. Олаф Трюггвасон утонул в пучине, выпрыгнув за борт дракара. Тело его так и не нашли. Он происходил из той же древней династии Скьелдунгов — «потомков Одина», как и наши Рюриковичи. Языческий и христианский круги истории словно сплелись в его судьбе.

От Америки до Константинополя. Король Олаф пожимал руку и Владимиру, и первооткрывателю Нового Света Лейфу Счастливному, первым открывшему путь в Винланд — Землю Вина — будущую Америку

Видите, как все связано в нашем прошлом, благодаря одному викингу? Даже шире, чем можно представить — и Русь, и Византия, и земли вендов — нынешнего польского Поморья, и Норвегия, и Англия, и даже Северная Америка, о которой тогда в Киеве, да и во всей Европе, никто не имел ни малейшего представления! Всего одна человеческая судьба, а сколько звеньев между странами и идеями замкнулось на ней!

Чтобы подтвердить эту мысль о наших скрытых, таинственных славяно-скандинавских связях, напомним вам одно известнейшее стихотворение — пушкинское вступление к «Руслану и Людмиле» — одной из самых ранних его юношеских поэм, написанной, когда ему было всего двадцать:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый.
Все ходит по цепи кругом...

Где находился этот сказочный дуб? И кто повесил на него золотую цепь?

Описывая великолепие главного языческого храма, посвященного богам Одину, Тору и

Фрикко, в шведском городе Упсала германский хронист XII века Адам Бременский упоминает огромное священное дерево (символ Мирового древа в скандинавской мифологии), «широко простирающее свои ветви» и... «золотую цепь, окружающую храм, висящую на крыше здания, так что, идущие к храму издали видят ее блеск».

Рассказы об этом гигантском древе и золотой цепи по соседству с ним так поразили воображение древних славян и финнов, внимавших рассказам викингов, что навсегда остались в их народных сказках. Няня Пушкина происходила из родственного эстам племени ижора, в плен к которым попал будущий король Олаф. Ну, думал ли он, что вполне реальная золотая цепь из Упсалы через какую-то крепостную Арину Родионовну перекоцует в стихи великого русского поэта, который появится на свет через восемьсот лет(!) после гибели короля-крестителя от рук язычников? Да ни в жизнь! Пушкину останется только убрать лишние детали и перевесить цепь с храма прямо на дуб, пустив по нему ученого кота — персонажа финской мифологии, переносящего души умерших в мир теней. А может, и уже до Пушкина цепь повисла прямо на Мировом Древе, как представляли мироздание и скандинавы, и славяне, и финны — наша летописная Чудь.

Чудеса, да и только! А дальше вас ждет «чудо» о Ярославе, из братоубийцы превратившегося в самого «мудрого» русского князя и строителя Софии Киевской, к которой он, если честно, не имеет НИКАКОГО отношения.

Проходя мимо Софии, еще раз взгляните на ее вызолоченные купола. Золотая цепь на крыше языческого скандинавского капища стала прообразом православного русского обычая покрывать золотом крыши церквей. Цепь из Упсалы словно расплавилась на маковках наших храмов под славянским солнцем.

Но сначала вернемся к отцу Ярослава Мудрого — князю Владимиру.

Битва за Анну и другие подвиги князя Владимира

Если бы не тяга Владимира к сексу, не бывать нам христианами.

Семья византийских императоров. Чтобы стать родственниками правителей Константинополя, русским князьям пришлось изрядно попотеть. Но оно того стоило!

Этнический состав войска, с которым юный новгородский князь Владимир захватил в 980 году Киев, очень напоминал разноплеменную рать его предшественников Олега и Игоря — первых пришельцев из Новгорода, овладевших будущей «матерью городам русским». «Повесть временных лет» описывает эту армию так: «Владимир же собрал воев многих — варягов и словен, чудь и кривичей». За сто лет до этого, по утверждению того же Нестора Летописца, воинство деда Владимира — малолетнего Игоря — состояло из «варягов, чуди, словен, мери, веси и кривичей».

Это был все тот же балтийский коктейль наемников-норманнов, финно-угорских племен и двух северных славянских народцев — кривичей и словен, в земле которых возник Новгород. История в очередной раз повторилась. Вплоть до мелких деталей. Подлинным руководителем похода при младенце Игоре являлся его дядя по матери — «урманин» Олег, а при Владимире — тоже дядя по материнской линии, Добрыня. Разница заключалась только в том, что за пролетевшее столетие имена предводителей очередной завоевательной экспедиции, плывшей из Новгорода по пути «из Варяг в Греки», сменились со скандинавских на славянские. Потомки беспокойного викинга Рюрика успели основательно сродниться с местным населением.

НЕ НУЖНО ЛИШНИХ ВАРЯГОВ. Впрочем, существует версия, что мать князя Владимира принадлежала к варяжскому роду. Якобы ее настоящее имя было Малфрид. Но «Повесть временных лет» называет ее чисто по-славянски Малушей — так, как называл ее любивший эту женщину Святослав. Имя же ее брата, ставшего знаменитым сподвижником Крестителя Руси и прототипом былинного богатыря — Добрыня — говорит само за себя. Из славян он! Не стоит искать варягов там, где их нет. Их и так достаточно в нашей истории. К тому же и гордая полоцкая княжна Рогнеда (а эта точно была норманнкой), отказываясь выйти замуж за Владимира, презрительно называла его «сыном рабыни». В рабство к русам попадали в основном славяне. Так что наш Владимир — сын славян по матери, а по отцу — потомок норманнской династии, выводившей себя от самого бога Одина.

Такое смешанное («неполноценное», в глазах нордической аристократии) происхождение причиняло Владимиру в юности немало неудобств. Но оно же стало причиной, толкавшей потомка раба к признанию своего подлинного равноправия. Подобно Петру I Владимир Святой мог бы сказать: «Знатность по годности считать». Он легко брал на службу самых простых людей, умел понимать психологию низов и испытывал искреннее удовольствие от общения с ними. Этого князя можно упрекнуть в чем угодно, только не в гордыне. Недаром он устраивал за свой счет пиры для всего Киева, а узнав, что дружина ропщет из-за того, что ест деревянными ложками, а не серебряной, подобно князю, приказал всем своим боевым товарищам тоже отлить ложки из серебра. «Золотом и серебром не добуду я себе такой дружины, — сказал Владимир, — а дружиной добуду и золото и серебро».

Разве не чувствуем мы искреннюю симпатию к автору этой удивительно мудрой формулы, актуальной до нынешнего дня? Владимир ценил не деньги, а СПОДВИЖНИКОВ — воинственных, эффективных, веселых. Тех, с кем не скучно ни в бою, ни на пиру. Именно они принесли ему на кончиках мечей власть и над Киевом, и над всей остальной Русью. Неужели же можно было для них какие-то серебряные ложки пожалеть?

БЫЛИНЫ — ОТБЛЕСК РЕАЛЬНОСТИ. Киевский цикл русских былин начинается именно вокруг удивительной личности этого сына рабыни. Значит, было в нем то качество, которое греки называли «харизмой». В буквальном переводе — «даром», «милостью». Явным благоволением небес. Ранняя христианская традиция считала это мистическое свойство содействием Духа Святого.

Знак креста. Из трех былинных богатырей Владимира двое носят христианские имена — Илья и Алеша

Все сюжеты киевских былин нанизываются на одну ось — дорогу в Киев. В стольный град князя Владимира едет из далекого Муром, населенного тогда финно-угорским племенем «мурома» (это название произошло от черемисского слова «мурам» — «петь») богатырь Илья, сиднем сидевший на печи тридцать три года. Сюда же устремляется Добрыня — победитель Тугарина Змеевича, чье имя символизирует тюркские племена кочевников. Предпосылки для образа Алешы Поповича тоже могли сложиться только при Владимире Святославиче — после крещения Руси. Чтобы появились Поповичи, сначала нужно было попов завести! Но куда податься младшему сыну попа, которому не досталась хлебная

отцовская должность? В Киев — в дружину князя Владимира! Там же серебряные ложки раздают!

До Владимира русские князья просто собирали с подчиненных племен дань. Все остальное их мало интересовало — пусть хоть лаптем щи хлебают. Этот правитель Руси впервые предложил подданным ОБЩУЮ СУДЬБУ и вторгся в их внутренний мир, заменив христианством веру в прежних языческих богов. Былинная служба у Владимира — отголосок строительства князем оборонительной линии против печенегов. Граница со степью проходила всего в сотне километров южнее Киева — по речке Рось. Именно сюда устремились со всех концов Руси молодые люди, приглашенные князем на трудную пограничную службу. Отсюда въедет в былины сторожевая богатырская застава Ильи, Добрыни и Алеши. Обратите внимание: двое из них носят не языческие, а христианские имена. Илья — древнееврейское по происхождению, а Алеша — греческое. Такое могло произойти только после крещения, когда у славян, кроме славянских, стали появляться еще и церковные имена, данные священником.

Две трети нынешней Украины населяли тогда тюркские племена. Все, что располагалось южнее Руси на правом берегу Днепра, и Ворсклы — на левом — принадлежало печенегам, пожиравшим, по уверениям путешественников, даже вшей со своих немых тел. Это воистину была граница между двумя мирами.

Судя по изображению на прижизненной монете, князь Владимир носил бороду как христианский владыка

ЗА «КИТАЙСКОЙ СТЕНОЙ» ВЛАДИМИРА. В 1008 году — через два десятилетия после того, как Владимир загнал в Днепр киевлян, окрестив их одним махом (не будем забывать, что в качестве утешительного приза князь раздал всем вымокшим в воде подданным по рубахе), в гостях у доброго правителя Киева очутился германский проповедник Бруно Кверфуртский. Этот полный сил тридцатилетний проповедник из графского рода вознамерился крестить печенегов — по его словам, «жесточайших из всех

язычников». И поэтому обратился за помощью к князю Владимиру.

О своем пребывании в Киеве и душевных качествах его правителя он оставил замечательные мемуары: «Государь Руси — великий державой и богатствами, в течении месяца удерживал меня против моей воли, как будто я по собственному почину хотел погубить себя, и постоянно убеждал меня не ходить к столь безумному народу, где, по его словам, я не обрел бы новых душ, но одну только смерть, да и то постыднейшую. Когда же он не в силах был уже удерживать меня долее, ... то в дружиной два дня провожал меня до крайних пределов своей державы, которые из-за вражды с кочевниками со всех сторон обнес крепчайшей и длиннейшей оградой.

Спрыгнув с коня на землю, он последовал за мною, шедшим впереди с товарищами, и вместе со своими боярами вышел за ворота. Он стоял на одном холме, мы — на другом. Обняв крест, который нес в руках, я возгласил честной гимн: «Петре, любишь ли меня? Паси агнцы моя!» По окончании церковного песнопения государь прислал к нам одного из бояр с такими словами: «Я проводил тебя до места, где кончается моя земля и начинается вражеская; именем Господа прошу тебя, не губи к моему позору своей молодой жизни, ибо знаю, что завтра суждено тебе без пользы, без вины вкусить горечь смерти». Я отвечал: «Пусть Господь откроет тебе врата рая так же, как ты открыл нам путь к язычникам!»

Бруно из Кверфурта суждено было вернуться назад от печенегов через пять месяцев, он окрестил «примерно тридцать душ», как сам утверждал. Скромные успехи на почве окультуривания печенегов еще раз доказали, что это «жесточайшие» из всех язычников. Но сам факт возвращения проповедника целым и невредимым показывал любовь к нему Господа. На радостях Бруно назначил печенегам в епископы одного из своих товарищей, а Владимир взял на себя финансирование Печенежской епархии.

Впрочем, куда больше понравилось печенегам мусульманство. Ровно через два года после путешествия Бруно в плен к печенегам, по словам арабского писателя Аль-Бекри, попал некий «ученый богослов, объяснивший некоторым из них ислам, вследствие чего те приняли его. Намерения их были искренними, между ними стало распространяться учение ислама. Остальные, не принявшие ислама, порицали их за это. Дело кончилось войной. Бог дал победу мусульманам, хотя их было только двенадцать тысяч, а язычников вдвое больше. Мусульмане убивали их, и оставшиеся в живых приняли ислам. Все они теперь мусульмане, есть у них ученые и законоведы, и чтецы Корана».

В общем, Владимир оказался прав: из миссии Бруно Кверфуртского ничего не вышло. Слава Богу, хоть сам уцелел — даром только потратили денежки на «христианизацию» трех десятков печенегов.

ИЗ ГРЯЗИ В КНЯЗИ. В своем политическом и человеческом росте князь Владимир прошел длительную эволюцию от полудикаря до гуманиста, сомневавшегося даже в том, стоит ли казнить разбойников, если Христос сказал: «Не убий!» Пока князь размышлял над этим богословским вопросом, душегубов развелось столько, что в Киев стало не проехать. На каждом дубе сидело по своему Соловью (согласитесь, чисто бандитское прозвище), и где было найти на них по Илье Муромцу? Потом реальная политика пересилила, и бандюков, мешавших цивилизованному бизнесу, перебили без пощады.

Священникам удалось убедить князя, что для «толстовства» еще не созрели исторические предпосылки. Непротивление злу насилием — не метод в борьбе с беспредельщиками. Государство и есть аппарат насилия. Главное, чтобы оно было разумным аппаратом и не резало всех без разбору.

Свою первую жену — полоцкую княжну Рогнеду — Владимир поимел после штурма прямо на глазах у своих воинов и дяди Добрыни. Любой шестнадцатилетний юнец, каким был тогда будущий святой, о таком подвиге мог бы только мечтать. Арабские путешественники отмечали, что русы не видят ничего плохого в публичном проявлении сексуальной активности. Они сочетались с девушками, не стыдясь купцов, которым привозили живой товар. Точно такой же образ жизни вели, по уверениям арабов, и князья Руси. Они брали наложниц на совместных пирах с дружиной. Князь демонстрировал таким образом приближенным свою силу во всех отношениях. Это было доказательством его здоровья и производительности.

Характерно, что даже в XVIII веке будущий знаменитый полководец фельдмаршал Румянцев в бытность капитаном любил драть девок на пушечном лафете, выстроив в каре вокруг себя свою роту. Эти грубые солдатские обычаи — в природе мужчин. А кем были первые киевские князья, как не предводителями военных банд?

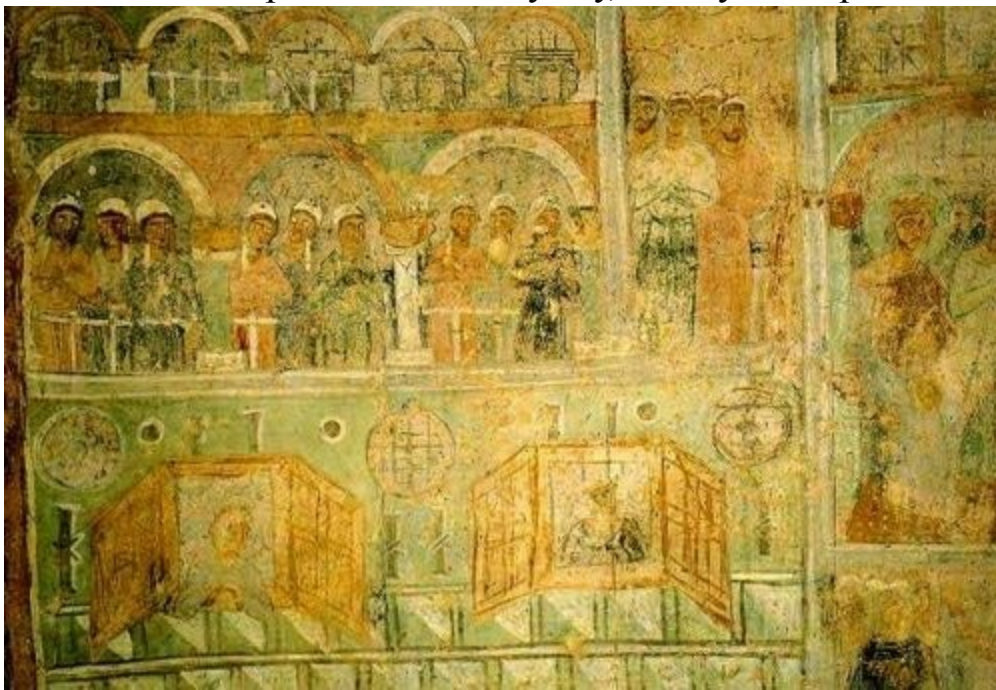

Красоту принцессы Византии можно было купить, только плюнув на языческих богов

Но то, что прокатило с Рогнедой из Полоцка, не годилось для овладения сестрой византийского императора Анной из Константинополя. Статусная девушка требовала другого обращения. И хотя Македонская династия, к которой она принадлежала, происходила от простых армянских крестьян, сути дела это не меняло.

За сто лет народные корни прочно скрылись под покрывалом из императорской порфиры, натянув которое делали в Царьграде «настоящих» царских детей. И раз Владимиру хотелось после сотен наложниц именно «царской невесты», значит, нужно было креститься и оставить старые разгульные привычки. Только без насилия опять не обошлось — правда,

«брат» за волосы пришлось не девушку, а саму Империю.

Император Василий II. Сцена на ипподроме

КОГДА КРЫМ НАЗЫВАЛСЯ ТАВРИДОЙ. Летом 988 года Владимир захватил в Крыму Корсунь — так называли русы византийский Херсонес. Херсонес находился на месте современного Севастополя. Там до сих пор можно увидеть его развалины на берегу Карантинной бухты. Да и Крым еще назывался не Крымом, а Тавридой и Газарией (память о том, что некоторое время им владели хазары), никаких татар там еще не было. И даже половцы туда еще не пришли. Овладение Херсонесом дало Владимиру контроль над Черным морем — отсюда, из самого южного порта полуострова, разбойничьи ладьи руссов можно было рассылать от Синопа до Константинополя. И Константинополь сдался: темноволосая красавица Анна с удивленно приподнятой бровью (так изображена она даже на фреске в Софийском соборе) отправилась в далекий Киев, чтобы возлечь подле ненасытного варварского князя, через женское тело причастившегося к вере Христа.

Христианским именем Владимира стало греческое Василий — в переводе «владыка». Священники, не мудрствуя лукаво, просто перевели его языческое славянское прозвище. Тем более, что старшего брата Анны, вошедшего в историю под прозвищем Болгаробойца, звали точно так же.

Десятинная церковь. Главное детище Владимира

Владимир успел невероятно много. Как ни один правитель Руси до него. Но в летописи с 997 года по 1014-й зияет пропуск. Получается, князь ничего не делал все последние семнадцать лет своего правления? Нет! Просто дела его были мирные. Он строил. И не только оборонительные валы и Десятинную церковь, но, по-видимому, и Софийский собор, который напрасно приписывают его сыну Ярославу. Деяния Владимира Святого были столь велики, что вызвали у того же Ярослава настоящий комплекс неполноценности. Кое-что из папиных свершений Мудрому даже пришлось «переписать» на себя — примазаться к чужой славе.

Ярослав Мудрый — новгородский князь, сжегший Софию Киевскую

Мастер древнерусского пиара всех своих братьев замочил и кличку Мудрый получил.

Мозаика Богородицы в Софии Киевской. Скорее всего, создана при отце Ярослава Мудрого — Владимире Святом. Сын «переписал» на себя

Два года назад по заказу одного из украинских телеканалов мы снимали цикл документальных фильмов «Следами пращуров». Очередная серия называлась «Мифическая библиотека Ярослава Мудрого». Летним солнечным днем наша троица зашла под прохладные своды старого собора и провела в нем почти целый день. Мы снимали мозаики, фрески, поднимались в башни и записывали интервью с двумя удивительными исследователями, работавшими тогда в заповеднике «София Киевская» — доктором исторических наук Надеждой Никитенко и ее коллегой — Вячеславом Корниенко.

Оба они выдвинули смелую гипотезу, что Софийский собор не был детищем Ярослава Мудрого. В лучшем случае этот князь только завершил его. А основное строительство проходило при отце Ярослава — Владимире Крестителе и старшем брате — Святополке Окаянном.

Вячеслав Корниенко подвел меня к стене и обратил внимание на одно из граффити — надпись была оставлена чьей-то рукой в 1019 году, а Софию, по официальной версии, Ярослав заложил в 1037-м. Как мог появиться этот текст на стене за восемнадцать лет до начала возведения храма?

Надежда Никитенко указала на еще одну странность. В башне Софии Киевской имеется фреска, изображающая несколько сцен из жизни Константинополя — в том числе императора Василия Болгаробойцы на ипподроме в окружении свиты и своей сестры Анны, ставшей женой князя Владимира. Ярослав Мудрый был сыном Владимира от полоцкой княжны Рогнеды, с которой его отец разошелся ради брака с этой византийской принцессой.

Общеизвестно, что у Ярослава были плохие отношения с отцом — правя Новгородом, сын даже отказался платить дань Владимиру в последний год его жизни. Так зачем же Ярославу было заказывать художнику портрет женщины, которая стала причиной расставания его матери с мужем? Не логичнее ли предположить, что подлинной заказчицей фрески была сама Анна, вместе с которой в Киев приехали греческие мастера? Тоскуя по

пышной столице Византии, Анна и попросила запечатлеть на память несколько картин из жизни города своего детства. Ярослав никогда не был в Константинополе. Его такой сюжет явно не должен был интересовать. Особенно, если учесть, что полжизни он провел в войне с другими сыновьями Владимира за киевский престол.

Макет древнего Киева. Город жил, отбирая две трети дохода Новгорода — 400 кг серебра в год

Мозаики Софии идентичны по манере исполнения остаткам мозаик разрушенной Десятинной церкви — первого каменного христианского храма Руси. Значит, их делали одни и те же люди — в правление Владимира, а не Ярослава.

И главное! Уже построенный собор Святой Софии иностранцы видели в Киеве задолго до того, как город захватил в результате междоусобной войны Ярослав! Немецкий хронист Титмар Мерзебургский упомянул его уже в 1017 году как **ДЕЙСТВУЮЩУЮ** резиденцию митрополита Руси. Такой собор не построишь за год или два. Князь Владимир умер в 1015-м. Сразу после его смерти началась война сыновей за власть. Значит, построил Софию именно Владимир Креститель! Тут даже сомнений быть не может! Да и митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати» называет Ярослава всего лишь завершителем дела отца: «Недоконченное тобою он dokonчил, как Соломон — предпринятое Давидом: он создал Дом Божий, великий и святой, церковь Премудрости Его»...

В 1017 году Ярослав с новгородцами захватил Киев, и «погорели церкви», пишет «Повесть временных лет»...

Титмар писал, что в 1017 году София горела. Значит, Ярослав только обновил ее, «докончив недоконченное», когда у него появилось для этого время. И так как историю пишут победители, а братья-соперники и отец давно были в могиле, приписал себе целиком создание великого храма. Или, по крайней мере, не спорил со льстивым летописцем, выдвинувшим в порыве верноподданнического чувства эту «версию». Так в «Повести временных лет» и появилась цифра 1037, приуроченная к победе Ярослава над печенегами, — ложная дата начала строительства самого великого собора Древней Руси.

А потом все умерли. И никто не спорил с хрестоматийным утверждением — других дел хватало, а старые времена забылись в суматохе новых темных дел и делишек.

Но для того, чтобы стать киевским князем, Ярославу пришлось совершить множество преступлений. В том числе и государственных. Назначенный Владимиром на княжение в Новгород (на тот момент второй по значению город Руси) Ярослав начал политическую деятельность с того, что отказался платить Киеву налоги. А потом и вовсе отложился от столицы — стал отъявленным новгородским сепаратистом.

Ярослав не был законным наследником своего отца Владимира. Куда больше прав на престол имел его старший брат Святополк. В молодости князь Владимир был язычником. Он собрал целую коллекцию из нескольких сотен наложниц. Оба брата родились от разных жен. Святополк — от гречанки-монашенки, забранной из монастыря. А Ярослав — от полоцкой княжны Рогнеды, отца и братьев которой Владимир убил в бою. Но Рогнеда надеялась увидеть на троне именно своего сына Ярослава, хотя он и был моложе Святополка.

Герб Святополка. Самый изысканный образец древнерусской геральдики

Обратите внимание и на то, что до Новгорода Ярослав правил Ростовом. Не Ростовом-на-Дону, которого тогда и в помине не было, а Ростовом на берегу озера Неро. Вокруг этого маленького города жило тогда финно-угорское племя меря. Славянским духом в тех местах еще даже не пахло. Судите хотя бы по названиям притоков озера Неро — Сара, Ишня, Кучибош, Мазиха, Варус, Чучерка, Уница, Сула. Все это финские гидронимы, как и вытекающая из Неро речка Векса. Это была одна из первых земель после Новгорода, покоренная скандинавами Рюриковичами по дороге в южный Киев. Их старая вотчина. В Ростове Ярослав княжил с 989 по 1010 год. И даже успел заложить по соседству город в честь себя любимого — Ярославль. Теперь, кстати, не Ярославль находится в Ростовском княжестве, а Ростов — в Ярославской области. Все перевернулось!

Молодой Ярослав закончил бы, еще не начав. Как все молодые сепаратисты. Его ожидала хорошенькая взбучка от отца. Точнее, карательная экспедиция — испытанный способ лечения любого сепаратиста. Владимир уже и мосты приказал мостить на Новгород, чтобы проучить наглого отпрыска, да только скоропостижно окочился — очень некстати для идеи территориальной целостности тогдашней Руси, еще не подозревавшей, что в далеком XIX веке московский историк Михаил Погодин назовет ее Киевской.

Создатели советского фильма «Ярослав Мудрый», сценарий которого написал Павло Загребельный, пытались представить Ярослава защитником голодающего новгородского народа. Но на самом деле в Новгороде никто не голодал. Это был самый богатый город Руси. Даже еще более богатый, чем Киев.

Именно новгородцы на протяжении двух веков ставили своих князей в Киеве, начиная с князя Олега. И отец Ярослава — Владимир, и дед — Святослав, и даже прадед — Игорь, перед тем, как захватить Киев, сначала были новгородскими князьями. В этом городе была вся сила и казна Руси. Ярослав просто отказался платить Киеву ежегодную дань в две тысячи гривен — это чуть больше 400 кг серебра! Уже сама эта огромная сумма говорит о том, как богат был Новгород.

И тут начинается самое интересное. Ведь, если София Киевская уже стояла в 1017 году,

когда Ярослав со своим войском захватил Киев, то получается, что он ее и... СЖЕГ. О пожаре храма упоминает тот же Титмар Мерзебургский, а также «Повесть временных лет». Ведь наемные редакторы Ярослава так и не вычистили до конца все следы предыдущего текста. Подробности междоусобицы Ярослава и Святополка они заменили душещипательным рассказом об убиении Бориса Святополком.

Но о приходе Ярослава в Киев все-таки осталась короткая статья: «В лето 6526 (1017). Ярослав иде в Киев, и погоре церкви».

«Погоре» означает «сгорели». Церкви сожгла армия Ярослава, состоявшая из новгородцев и наемных варягов скандинавского витязя Эймунда. Так как пожар Софии Титмар Мерзебургский упомянул именно в это время, то получается, что его спалили хлопцы Ярослава Мудрого. Вместе с другими церквями. И из ненависти к жадному Киеву, которому Новгород отдавал две трети доходов. И в отместку за жестокое крещение новгородцем при князе Владимире. Тогда дядя папы Ярослава — знаменитый Добрыня — крестил Новгород, по утверждению летописи, «огнем», а другой воевода Владимира — Путята — «мечем». Память об этом событии еще не истерлась в новгородском массовом сознании — и тридцати лет ведь не прошло!

А уж отплатить за обиду новгородцы умели! Да и варяги Эймунда не отличались мирным духом. Накануне похода на Киев между двумя частями войска Ярослава произошел кровавый конфликт, подробно описанный в «Повести временных лет». Викинги — люди молодые и буйные — стали насиловать жен новгородцев. Но новгородцы сами происходили от ославянившихся викингов («от рода варяжска»). За обиду они отплатили сразу: «Встали новгородцы, избили варягов на дворе Поромона»... Разгневанный Ярослав в ответ позвал к себе зачинщиков избиения варягов и приказал их «иссечь». Только с большим трудом можно было поддерживать дисциплину в такой армии. Войдя в Киев, она просто не могла не жечь и не насиловать. Иначе, зачем же было отправляться в поход?

Варяги, нанятые Ярославом. Оказались настолько дикими, что вызвали восстание союзников-новгородцев

Святополк выбил брата из столицы Руси с помощью своего тестя — польского короля Болеслава. Ярослав с остатками наемников-викингов бежал в Новгород — «только с четырьмя мужами», по утверждению той же «Повести».

Судьба наследия Владимира Святого снова висела на волоске. И тут разбитого поджигателя снова выручили варяги.

В «Повести временных лет» о смерти Святополка сказано туманно. Якобы он разболелся и умер — где-то в эмиграции — «межи Чехи и Ляхи», то есть между Чехией и Польшей. Но в начале XIX века в Скандинавии обнаружили сагу об Эймунде. Эймунд был предводителем варяжской дружины — попросту говоря, БАНДЫ, служившей по найму у Ярослава. Он признался, как убил его брата — соперника за власть над Русью. Сразу же после открытия саги в 1834 году ее перевел на русский язык профессор Петербургского университета Сенковский, о чем наши историки постоянно забывают.

«Как же быть?» — спросил Ярослав Эймунда, советуясь о методах наиболее эффективной борьбы со старшим братом. «Не прикажете ли убить его?» — поинтересовался норвежский конунг. — «Пока вы оба будете оставаться в живых, этим суматохам никогда конца не будет!».

Хитрый Ярослав уклончиво ответил: «Не стану я ни побуждать вас против брата, ни винить, если он будет убит». Эймунд расценил это как скрытое разрешение на убийство. Кроме желания получить деньги, варягами двигал еще и инстинкт самосохранения. Ведь победы Святополк, наемникам Ярослава бы не поздоровилось. Так что мотивировки у Эймунда были высокие!

Вскоре варяги принесли Ярославу отрезанную голову Святополка — вещественное доказательство выполненной работы. Они подстерегли Святополка во время ночевки в лесу и пробрались прямо в его шатер. Видно, сторожевая служба была плохо поставлена у этого князя. Да и сам выпить с дружиной, как говорит летописец, он любил.

Норвежский конунг Эймунд с удовольствием отрезал голову брату Ярослава — Святополку Окаянному

Самое смешное, что убитый соперник Ярослава считал себя истинным христианином и даже дополнил родовой герб — трезубец — изображением креста! Уж он-то, в отличие от братца, Святую Софию не стал бы поджигать. Но не помогло!

Святополк погиб в междоусобной войне. Услышать его оправдательную речь у летописца не было физической возможности. Так, со слов победителей, он и стал Окаянным. И если бы в норвежском архиве не отыскалось признание подлинного исполнителя, никто бы так и не

узнал, что моду на заказные убийства ввел на Руси Ярослав Мудрый, так любивший книжное учение.

Все хорошее, что сделал в Киеве Святополк, придворные историки подарили Ярославу. Тот был действительно великим мудрецом. Все зло приписал брату, а единственным строителем Святой Руси объявил себя. Самое время было, перебив всех братьев, сесть на досуге и почитать книжечку... Что-нибудь душеспасительное, чтобы замолить грехи молодости.

Но для того, чтобы отдохнуть, еще следовало победить последнего соперника — Мстислава Тмутараканского. И вот тут викинги во главе с Законом Одноглазым, чья внешность сразу же вызывала у любого встречного воспоминание о боге Одине, снова проявили себя в истории Руси, которой дали свое имя. В последний раз. Памятью о них осталась Шестовица — гигантский варяжский могильник неподалеку от Чернигова. Всего в двух часах езды от Киева.

Варяг Якун против Тмутаракани

В последний раз норманны проявили себя у нас в 1024 году.

Последний варяжский бой

К 1024 году князь Ярослав снова оказался в затруднительном положении. Братья Борис, Глеб и Святополк лежали в могиле, сгинув в междоусобице, но война за киевский трон и не думала утихать. В Полоцке против Ярослава восстал неугомонный племянник — внук Владимира Святого — Брячислав Изяславович. На севере под Суздалем мутили народ волхвы, не желавшие уступать христианским попам. А с юга от далекой Тмутаракани шел на Киев еще один брат — Мстислав. Кроме собственной дружины, он вел с собой еще и отряды кавказцев, славившихся дикой удалью.

В народном сознании Тмутаракань стала символом глухомани — неведомым местом, куда не всякий найдет дорогу. Но в начале XI столетия это был один из важнейших городов Руси, хоть и отделенный от нее степями, где рыскали дикие кочевники. Он располагался на месте современной Тамани и запирал выход из Азовского моря в Черное. Тот, кто владел Тмутараканью, контролировал ответвление пути из варяг в греки по Дону и держал ключи от всего Кавказа. Другой такой удобной бухты в этих местах не было. Любой кавказский князек, желавший продать своих баранов за твердую валюту, вынужден был ехать в Тмутаракань. А там уже сидел Мстислав и, как пенку, снимал себе пошлину.

Был это мужчина грубый, коварный и не чуждый озорного лукавства — истинный потомок князя Владимира, унаследовавший его лучшие качества. Когда касожский князь Редедя (касоги — племя, от которого произошли нынешние черкесы) решил отобрать у Мстислава Тмутаракань и предложил выяснить дело в личном поединке, тот с радостью согласился.

По условиям схватки победитель должен был забрать все имущество побежденного — жизнь, землю, жену и детей. Жену Мстиславу было не жалко. Жизнь — тоже. Он поставил на кон Тмутаракань и не прогадал. Редедя был хороший борец. Но и Мстислав оказался не хуже. Помолившись Богородице и пообещав ей построить храм в Тмутаракани в случае победы, князь Мстислав долго мял Редедю бока, терпя и к себе такое же отношение, а потом изловчился и швырнул кавказского богатыря оземь. А чтобы Редедя не передумал, вынул нож и прирезал его.

Варяги проиграли. Наемники Ярослава Мудрого не устояли против флангового удара конницы Мстислава

РУССКО-КАВКАЗСКАЯ МАФИЯ МСТИСЛАВА. Сыновей убитого Мстислав крестил, назвав их Юрием и Романом. За Романа на радостях даже выдал замуж свою дочь Татьяну. А что сделал с женой Редеди, история умалчивает. Но, думаю, если она была еще ничего, свой шанс Мстислав и тут не упустил. От потомства Редеди и Мстислава выводили себя, между прочим, несколько русских дворянских родов — в том числе Лопухины, славившиеся красавицами и давшие несколько царских жен и любовниц, и Ушаковы, подарившие России знаменитого адмирала.

По-древнерусски имя Мстислав писалось «Мъстиславъ». «Ъ» читлся как «О». Получается, он был Мостислав — мостил себе славу, помахивая ножиком и беря от судьбы все, что она давала. После победы над Редедой Мстислав убедился в благосклонности Матери Божьей и попросил у нее власть над всей Русью. Аппетиты его росли. Но в Киеве уже стоял храм святой Софии, построенный князем Владимиром, и высшие силы решили перенаправить энергию тмутараканского выходца в Чернигов, где церковей еще не было.

Ярослав в Новгороде, узнав о появлении еще одного братца, наверняка пожалел, что Редедя его не прирезал, но горевать не стал и по своему обыкновению тут же нанял за морем варягов. Благо, деньги у него для этого имелись. Эту партию викингов привел на Русь ярл Якун, совершенно сразивший наших пращуров своим роскошным «фирмовым» видом.

Якун был одет в «луду», сплошь расшитую золотыми нитями — «луда бе у него золотом исткана», пишет «Повесть временных лет». Что такое луда, историки разошлись во мнениях. Даже знаменитый словарь Даля объясняет это слово неоднозначно: «блестящая наволока, головная повязка, верхняя одежда, плащ, мантия».

Сегодня уже не представляется возможным установить, что это было в точности. Ясно только, что ярл Якун блестел, как новая копейка. Или, точнее, как новый златник, так как копейку (монету с изображением всадника с копьем) начнут чеканить только в XV веке.

Современные исследователи отождествляют Якуна с Хакон Эриксоном — норвежским авантюристом, участвовавшим с переменным успехом в бесчисленных битвах. Иногда он бил. Порой его жестоко трепали. Но в 1024 году Хакон пребывал в статусе

безработного — из Норвегии ему пришлось бежать еще восемь лет назад после неудачного боя при Несьаре (где-то в окрестностях современного Осло), и он вынужден был довольствоваться скромным местом графа Вустерского (городишко под Бирмингемом в Англии), полученным от короля Кнуда Могучего.

В каком-то из сражений Хакону выбили глаз. Даже имя его в переводе означает «одноглазый». Был он потрепан, немолод. Но у Ярослава не было выбора. За неимением лучшего пришлось довольствоваться и таким варягом. Тем более что хорошие варяги в Скандинавии кончались. Все, что было ценного, уже успело устроиться за два века Эпохи викингов по теплым местам — от Нормандии до Сицилии.

Бродячий конунг. Перед тем как наняться к Ярославу, Хакон Одноглазый слонялся без места по морю

Но против степной вольницы Мстислава Тмутараканского подслеповатый Якун явно не тянул. Разве что раззадоривал врага своей золотой лудой, вызывая непреодолимое желание немедленно ее отобрать.

Кроме касогов, Мстислав привел с собой тмутараканских хазар, живших в его княжестве со времен Каганата. А на Руси к нему присоединились северяне — славянское племя, населявшее черниговское княжество. Оно устало платить дань Киеву и мечтало о снижении налогового бремени.

«А СВОЯ ДРУЖИНА ЦЕЛА!». Войска противников сошлись под Лиственом, неподалеку от Чернигова. Успех битвы решили полководческий талант Мстислава и наличие у него конницы. Пока варяги Якуна и северяне тупо в ночной темноте при свете молний разразившейся грозы истребляли друг друга во фронтальной схватке, тмутараканский князь зашел с фланга и лихим ударом обратил наемников Ярослава в бегство. Якун бросил свою золотую луду, стеснявшую движения, и дал деру в Новгород. Вместе с ним покинул поле битвы и Ярослав, которому к такому повороту событий было не привыкать.

«Повесть временных лет» описывает эту «битву народов» так: «Мстислав исполчил свою дружину с вечера и поставил северян в чело против варягов, а сам стал с дружиною своею под крылом. И бились ночью, и была тьма, гром и молнии, и дождь. И рече Мстислав дружине своей: «Пойдем на них!». И по сем наступил Мстислав с дружиною своею и начал сечь варягов». Утром ему оставалось только произнести знаменитую фразу: «Как этому не

радоваться? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела!».

Это летописное известие, словно Мстислав под Лиственом, разбивает утверждения антинорманистов, что под именем варягов могли скрываться балтийские славяне. Якун был норвежцем, а наемники его — викингками. Никаких сомнений по этому поводу у серьезного исследователя даже быть не может. Из Новгорода норвежский ярл снова ушел «за море», где и умер в 1030 г.

Мстислав оказался куда более талантливый полководцем, чем политиком. Вместо того чтобы тут же додавить Ярослава, он вступил с ним переговоры и предложил разделить Русь по Днепру. Киев оставался старшему брату, а Мстислав забрал себе Чернигов.

А уж Ярослав свой шанс не упустил! И даже следов не оставил! Ровно через двенадцать лет после битвы при Листвене Мстислав погиб при загадочных обстоятельствах на охоте. Прямых доказательств причастности Мудрого к этой смерти нет. Но, помня, как хитро тот умел использовать наемных убийц для сокращения поголовья братьев-соперников, можно почти не сомневаться, что и смерть Мстислава не была случайной. Охота — занятие опасное. И с коня можно упасть, и простуду подцепить. Кто станет потом разбираться, помогли нашему князюшке сломать шею или сам свернул? Очень уж вовремя отдал концы бесстрашный победитель Редеди и Хакона Одноглазого! Уйти от цепких лап хромого старшего брата ему оказалось не по силам.

Только Спасо-Преображенский собор в Чернигове, построенный при Мстиславе, остался памятником его подвигов. Один из старейших храмов Руси дожил до нашего дня. Но даже его белоснежные стены хранят память о накале страстей, раздиравших Русь в то время. Когда Мстислав умер, стены Спасо-Преображенского храма успели выгнать только в рост человека, сидящего на лошади. Работы еще было непочатый край! Но сын Ярослава Владимир тут же снял строительную бригаду (мастеров каменного зодчества было по пальцам пересчитать) и отправил ее в Новгород, где началось строительство своего Софийского собора. Только во второй половине XI века архитектурную задумку Мстислава довели до ума. Именно в этой церкви лежат кости героя «Слова о полку Игореве» — через сто лет он отправился в далекую Тмутаракань поискать наследство Мстислава да был остановлен половцами...

После смерти Мстислава Ярославичи сразу же прекратили строительство Спасо-Преображенского собора в Чернигове

Мне хочется верить, что рано или поздно давняя «пря о норманнах» перейдет из острой фазы в конструктивную. Отрицать роль предков современных норвежцев, датчан и шведов в создании Руси бессмысленно. Рядом с крупнейшими городами древнерусских княжеств находятся остатки поселений викингов — Рюриково городище под Новгородом, Гнездовское — под Смоленском, Шестовицкое — под Черниговом, Сарское — близ Ростова, Тимиревское — под Ярославлем.

ОТ ОДИНА К ХРИСТУ. Скандинавы дали Руси название и первую династию, великодержавный размах и вкус к дальним странствованиям. Это не умаляет вклад в создание империи Рюриковичей славян, финнов и тюрок. Говорить о какой-то «чистоте крови» после тысячелетия межэтнических смешиваний просто смешно. Может быть, именно в генетическом разнообразии и скрыт секрет нашей устойчивости. Варяги не были расистами. Они не только брали, но и раздаривали себя в искреннем порыве страсти.

Тайна возникновения Руси зашифрована даже в известной всем с детства сказке о Бабе Яге. Славяне своих покойников сжигали, как и норманны. Финны — клали в избушки, строя им целые «деревни мертвецов». Богиней Смерти у скандинавов была Хель, представлявшая собой выше пояса прекрасную златовласую девушку, а ниже — человеческий скелет.

Мстислав даже успел выпустить в Тмутаракани свою серию монет. Теперь это большая редкость

Представления о потустороннем мире финнов и варягов поразили древних славян. После принятия христианства Хель стала нашей Бабой Ягой Костяной Ногой (привет от Хель!), а поселилась она в финской избушке мертвеца. Предлагая маленькому герою сказки прокатиться в печку, Яга-Хель пытается повторить старинный славянский обряд сжигания покойника. Но малыш обманывает языческую бесовку и сам усаживает ее на лопату, отправляя в печку.

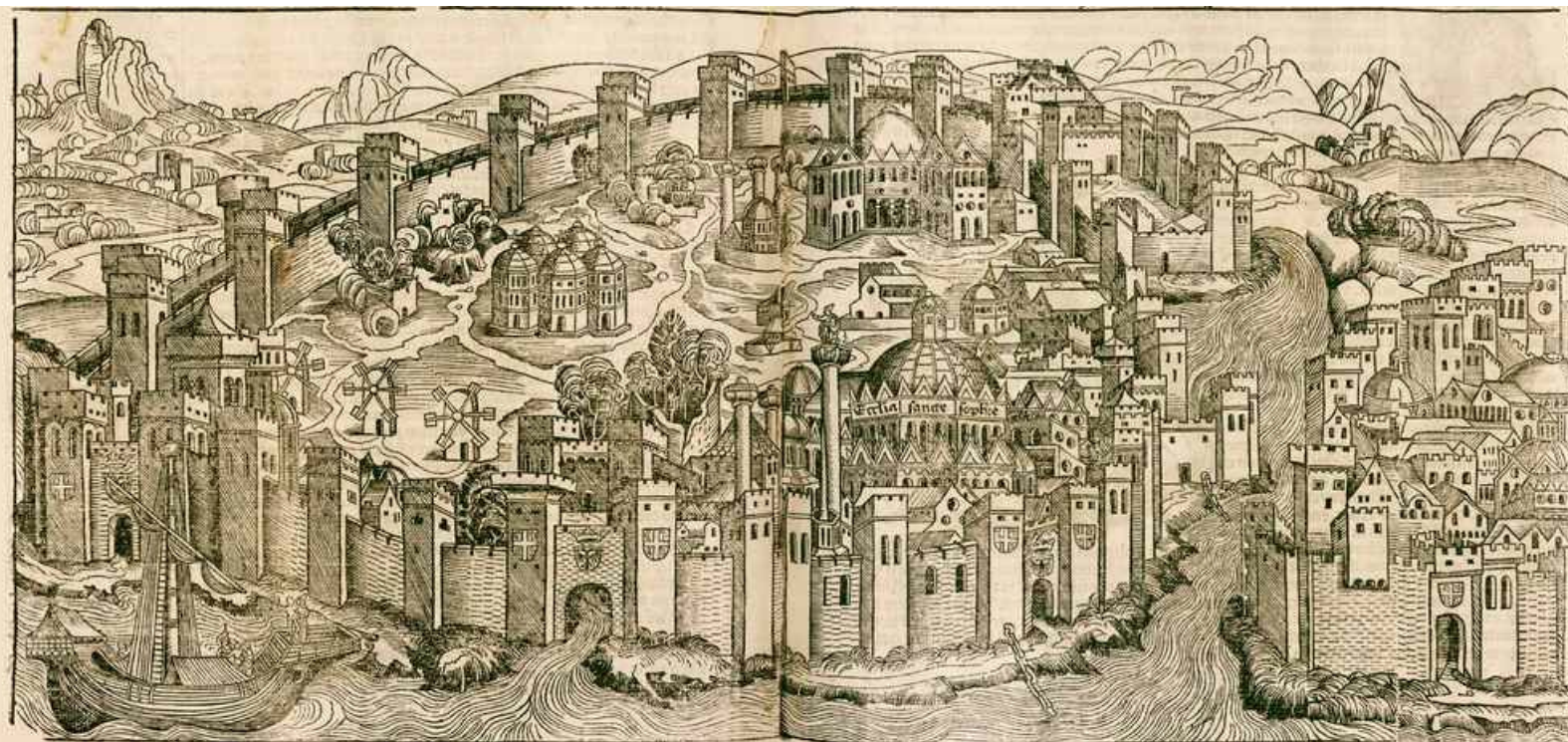
Чтобы открыть для себя Христа, потомкам бога Одина пришлось проделать долгий путь из Варяг в Греки — из тьмы язычества, практиковавшего человеческие жертвоприношения, к свету новой веры.

Памятником этого духовного восхождения и осталась Святая Русь, сияющая маковками церквей в Киеве, Чернигове и Новгороде. И слова варяга из «Повести временных лет»: «Боги ваши есть дерево. Сегодня есть, а завтра сгниют. Они не едят, не пьют и не говорят и сделаны руками из дерева. А Бог есть един».

Это и есть, наверное, наше самое важное варяжское наследие.

Почему рухнула Киевская Русь

Войска хана Батые разрушили почти все древнерусские города, но они вскоре восстали из пепла. И только столица Руси — Киев — пришла в полный упадок. Почему?

© The Hebrew University of Jerusalem & The Jewish National & University Library

Константинополь. Гравюра из хроники Хартмана Шеделя. 1493 г.

Я уже писал в одной из предыдущих статей, что название «Киевская Русь» придумал только в XIX веке московский историк Михаил Погодин. До него никто даже не подозревал, что она «киевская». Современники называли эту страну просто Русью или Русской землей. Когда Киев после нашествия Батые превратился в развалины, и в таких же дымящихся руинах лежали Рязань, Суздаль, Галич и Чернигов, некий древнерусский публицист, имя которого поглотила история, создал «Слово о погибели Русской Земли». Заметьте — просто «русской». Без каких либо прилагательных.

Душу несчастного очевидца краха великой державы терзала безмерная скорбь, перетекавшая через порушенные границы отечества. Наши сегодняшние переживания не в силах сравниться с ней. По крайней мере, по широте охвата.

«О светло светлая и красно украшенная земля Русская! — писал этот печальник. — Многими красотами дивишь ты: озерами многими, реками и источниками, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, боярами честными, вельможами многими, — всего ты исполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Отсюда до венгров, и до поляков, и до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев и до немцев, от немцев до корелы, от корелы до Устюга, где живут тоймичи поганые, и за Дышащим морем, от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все покорил Бог народу христианскому поганые страны:

великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, и деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели. А литва из болота на свет не показывалась. А венгры каменные города укрепляли железными воротами, чтобы на них великий Владимир не ходил войной. А немцы радовались, что они далеко за синим морем. Буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на князя великого Владимира. И сам император Мануил Цареградский, страх имея, затем и великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьграда его не взял»...

«Слово о погибели» сохранилось всего в двух списках. Древнейший из них — Псковский, датированный XV столетием. Его обнаружили в Псковско-Печерском монастыре. Монах-переписчик, сохранивший нам его, присоединил небольшой отрывок «Слова» в качестве вступления к «Житию Александра Невского». К тому времени уже стало очевидно, что Земля Русская не погибла, что она снова оживает. Времена хана Батыя остались в далеком прошлом. Со дня падения Киева прошло уже два столетия! Монгольское иго доживало последние годы. Потихоньку складывался культ Александра Невского — прямого потомка Владимира Святого и Ярослава Мудрого.

Благодарный князь Александр, отбивший в 1242 году немецких рыцарей на Чудском озере (на это хватило сил) и смиренно отправившийся договариваться с ханом монголов в далекий Каракорум, (так как для борьбы с его державой, включавшей в себя не только Монголию, но и Китай, время еще не настало) превращался в образец политической мудрости. В отличие от своего современника Михаила Черниговского, отказавшегося пройти между двух очистительных костров в ставке хана (мол, неприлично сие христианину!) и растерзанного за это, Александр Невский и кострами не брезговал, и кумыс со степняками пил. И, как показало будущее, оказался прав. Его хитрое упорное потомство победило в борьбе с другими линиями Рюриковичей, страдавшими неизлечимой гордыней, и теперь потихоньку прибирало к своим рукам наследие святого Владимира.

Повесть о взятии Царьграда: «Ворвались фряги в Святую Софию и ободрали двери и разбили их».

И пусть Киев еще находился под властью Литвы, а Галичина — в руках поляков, некий таинственный псковский инок чуял, что бывшая сила Руси возвращается, что, по сути, она неистребима. С полуистлевшего пергаментного листа, помнившего времена Батыя, монах-переписчик, сидя в прохладном скриптории, переносил в новый кодекс и печаль современников монголо-татарского нашествия и их память о былом величии.

Дышащее море — это Ледовитый океан. Тоймичи — племя, жившее на берегах притоки Северной Двины — Тоймы. Буртасы — мордва. Черемисы — марийцы. С немцами, венграми и чехами — все и так ясно. Широко мыслил древнерусский книжник из Пскова! Куда шире многих наших современников! Недаром и идею Третьего Рима выскажет вскоре тоже псковский инок Филофей — примерно в тех же местах, где когда-то Русь начиналась во времена Рюрика и первых русских князей. Монах-переписчик помнил, что западная граница Руси — Карпаты, а северная — студеное Белое море. И на том скромно, но упорно стоял, напоминая своим государям о свершениях их державных предков — о тех временах, когда «немцы радовались», что сидят «за морем».

Почему же Псков и Новгород даже после нашествия Батыя устояли (хан даже не штурмовал их каменные крепостные стены), а Киев пал перед монголами, потеряв былое политическое значение? Почему в северных монастырях и во второй половине XIII-го и в XIV веках продолжалась летописная традиция, а о том, что происходило в прежней столице Руси на берегах Днепра, мы можем судить только по отрывочным записям иностранных путешественников? (Свои летописи тут перестали составлять.) Почему уже в 1251 году митрополит Киевский Кирилл Третий оставил Даниила Галицкого, готовившегося принять от Папы королевскую корону, и уехал — догадайтесь, куда? Правильно — опять в Новгород!

Там он впервые встретился с Александром Невским и, разделяя его антизападную политику, уже в следующем 1252 году отправился на Волгу к Батыю и получил от хана ярлык, гарантирующий свободу и неприкосновенность православной церкви.

Руины Золотых Ворот в Киеве. После нашествия Батыя город так и не восстановил свой статус столицы Руси.

Всю свою последующую долгую жизнь митрополит Кирилл провел в основном в разъездах по городам северной и восточной Руси, окормляя паству и стремясь поднять ее дух. Это он учредил епископию в Твери и основал епархию в столице самого хана — Сарае. Он же в 1274 во Владимире-на-Клязьме созвал собор епископов Русской православной церкви, восстановивший церковное законодательство, и принял новую Кормчую — так называемую Сербскую — свод законов, по которым жила Русь. Напомню, что Русская Правда — юридический кодекс Ярослава Мудрого — уцелел только потому, что сохранился в списке Синодальной Кормчей, хранившейся в храме Св. Софии Новгорода — библиотека Софии Киевской, как известно, погибла в дни Батыева нашествия.

Русь Новгородская и Русь Владимирская сохранили нам духовное наследие рухнувшей под ударом монголов Руси Киевской. И митрополит Кирилл сохранению этого ковчега немало поспособствовал. Он умер в Переяславле-Залесском 6 декабря 1281 года — это в нынешней Ярославской области, в 140 км от Москвы. Надолго пережив Александра Невского и исходатайствовав у внука Батыя — Менгу-Тимура — очередной ярлык на неприкосновенность православной церкви. Вдумайтесь, какой силы духа был этот человек, не убоявшийся ехать в логово победителей-степняков и отстаивать свою веру и родину. Только после смерти прах Кирилла перенесли в Киев, чтобы похоронить там, где покоились

его предшественники, начиная с первого митрополита всея Руси — Михаила, направленного на Русь из Константинополя еще во времена князя Владимира. Ибо Святая Русь едина, что бы кто ни говорил.

Но для церковной свечи, беззащитной на ветру, нужны стены. Дух веры может жить безбоязненно только в крепком государстве. Что же случилось с Киевом, что он потерял в XIII веке статус столицы Руси? И светской, и церковной. Ведь присланный из Константинополя митрополит Максим, который сменил Кирилла, грек по происхождению, в 1299 году окончательно переселился во Владимир-на-Клязьме, побыв некоторое время в маленьком Брянске, что ныне забыто, а его наследник Петр Ратенский, родившийся на Волыни, впервые выбрал местом митрополичьей кафедры Москву.

Если киевский митрополит вынужден был оставить столицу Владимира Святого и некоторое время держать кафедру в маленьком Брянске, значит с Киевом было совсем плохо, и ближайшего улучшения в его судьбе не предвиделось.

Киев действительно стал тогда не только бедным, но и просто опасным для жизни местом. Монах-францисканец Плано Карпини, посланный римским папой в 1245 году в Каракорум, проехал через Киев и оставил такое описание его взятия монголами: «Они пошли против Руссии и произвели великое избиение в земле Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен ПОЧТИ НИ НА ЧТО: едва существует там ДВЕСТИ ДОМОВ, а людей тех держат они в самом жестоком рабстве».

Карта Золотой Орды. Батый взял под свой контроль степи от Дуная до Иртыша и путь из Европы в Азию.

Если кости жителей Руси лежали просто в поле, значит, их даже некому было хоронить. Все, кто уцелел, прятались в лесах — как можно дальше от проезжих дорог и обжитых мест. В «Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора»

нашествие Батыео описано так: «В лето 6746 (1238), по гневу Божиему за умножение грехов наших, было нашествие поганых татар на землю христианскую. Тогда одни затворились в городах своих, другие убежали в дальние земли, а иные спрятались в пещерах и городах своих... Те, кто затворился в городах, каялись в своих грехах и со слезами молились Богу, и были они погаными безжалостно ПЕРЕБИТЫ; из тех же, кто скрывался в горах, и в пещерах, и в расселинах, и в лесах, мало кто уцелел. И этих через некоторое время татары расселили по городам, переписали их всех и начали с них дань брать. Услышав об этом, те, кто разбежался по чужим землям, возвратились снова в земли свои, кто остался в живых, князья и иные люди. И начали татары насильно призывать их».

Хан Батый не захотел сделать Киев столицей Золотой Орды. Он основал город имени себя в низовьях Волги.

По словам Плано Карпини, тогда татары «сражениями опустошили всю Руссию». Если быть точным, почти всю — кроме Новгорода и Пскова. За три года, предшествовавшие взятию Киева, орда Батыео опустошила Рязань, Владимир, Суздаль, Москву, совсем маленькую еще тогда, и множество других городов. Однако жизнь в них скоро восстановилась. В некоторых даже начался бурный рост. А «столица Руссии» пришла в полный упадок, и даже митрополит покинул ее.

Обычно считается, что ханы специально стремились унизить значение Киева. Слава великого русского города якобы раздражала их. Но мне ситуация видится несколько иначе. Обратите внимание на место, которое ханы из рода Чингизидов выбрали для своей столицы. Город Сарай-Бату (Дворец Батыео) или Сарай-ал-Махруса (Дворец Богохранимый), как его реже называют, был построен сразу же после татаро-монгольского завоевания Руси на Волге в 80 км от нынешней Астрахани выше по течению. В лучшие времена его населяло до 75 тысяч человек.

Почему Батый выбрал для размещения своей ставки Волгу, а не Днепр? Ведь во времена первых Рюриковичей именно по Днепру шел знаменитый путь «из варяг в греки». Неужели

татарам не хотелось взять его под контроль, заперев путь экспорту из Руси в Константинополь? В конце концов, почему бы Батыю не избрать для своей столицы местом тот же Киев, как это сделал новгородский князь Олег в IX веке? Вся-то разница, что Олег пришел с севера, а Батый с юга. С разрывом в три столетия. Один вышел из лесу, другой — из степи. И для того, и для другого Киев не был родным. Варяг Хельги имел на него такие же права, как и монгол Бату. Прекрасный климат. Широкий Днепр. Самая граница лесной и лесостепной зон... Что еще надо человеку, чтобы спокойно встретить старость?

Но Хельги-Олег назвал Киев «матерью городам русским», а Батый-Бату просто разорил дотла «столицу Руси» и вернулся в Заволжье, откуда и начался в 1237 году его поход на Русь. Как интересно было бы представить альтернативный вариант истории — Бату-хан все-таки делает Киев своей столицей. Его наследники, приняв ислам, как это сделал хан Узбек в 1321 году, возводят мечети рядом с православными храмами. Или сами становятся христианами (был же христианином сын Батия — Сартак!), постепенно смешиваются со славянами, переходя на русский язык. Золотая Орда со столицей в Киеве... Могло такое быть? Никогда! И не только потому, повторим известную фразу, что история не знает сослагательного наклонения, но и по куда более банальной причине. Чисто экономической.

Легко заметить, что Сарай-Бату возник почти в том же месте, что и хазарская столица Итиль, располагавшаяся в дельте Волги. Всего сотней километров выше по течению. По сути, он реанимировал экономическую систему Хазарии, контролировавшей, прежде всего, Волжский торговый путь из Балтики в Каспий — то есть, из Европы в Персию и Индию. Волга близко подходит к Дону. Находясь в Сарае, Батыю было легко перехватывать поток товаров по Дону. А вот путь «из варяг в греки» его попросту не интересовал, так как его давно не было. В Греции (в Византии) сидели крестоносцы, сделавшие Константинополь столицей своей Латинской империи. Именно они и уничтожили дорогу «из варяг в греки», а заодно и экономическое значение Киева накануне монгольского завоевания.

Сарай-Бату. Столица Золотой Орды тянулась вдоль левого берега Волги на 15 км. Ее населяло 75 тыс. человек

И тут самое время вспомнить о Четвертом крестовом походе. Когда в 1204 году латиняне-крестоносцы взяли Константинополь — тоже, между прочим, христианский город

— столицу православия, на Руси известие об этом вызвало стон. «А наутро, с восходом солнца, — писал древнерусский книжник в «Повести о взятии Царьграда крестоносцами», — ворвались фряги в святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром, и двенадцать столбов серебряных и четыре кивотных, и двенадцать крестов, находившихся над алтарем... и все это серебряное... А прочие церкви в городе и вне города и монастыри в городе и вне города все разграбили... Монахов, и монахинь, и попов обокрали, и некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали из города... Вот так и погибло царство богохранимого города Константинова и земля Греческая из-за распрей цесарей, и владеют землей той фряги».

Случилось это ровно за тридцать шесть лет до штурма монголами Киева, когда падет уже наша София. Но Четвертый крестовый поход погубил не только Царьград. Он нанес также смертельный удар по экономическим интересам Киева. Бизнес-проект римского папы победил тогда бизнес-проект патриарха Востока. А заодно — и варягов, изгнание которых из Константинополя зафиксировал наш летописец.

Крестовым походам отводят незаслуженно малую роль в нашей истории. Они словно бы прошли мимо Руси — в Палестину, Византию, Египет — стороной, как косой дождь из стрел. Ну, воевал князь Александр Невский с рыцарями-крыжаками в Ливонии, топил их водах Чудского озера... Что с того? Отбил же, играючи. Вот если бы не отбил. Тогда раздули бы очередную истерику. Некоторые в последнее время вообще ставят под сомнение важность этой битвы. Мол, почти и не знали о ней современники на Руси. И численность войск преувеличена, и значение раздуто. А про взятие Константинополя в учебниках вообще отводится несколько строк. Без связи с другими фактами и объяснений эпохального влияния этого события на дальнейшую судьбу Руси.

Отлично написанный дореволюционный учебник истории Средних веков Александра Васильева, по которому штудировали прошлое гимназисты, и тот отделался всего одной фразой: «Рассказ об ужасах погрома 1204 года можно найти у многих историков той эпохи, латинских и греческих, и даже на страницах нашей новгородской летописи».

«Даже на страницах новгородской летописи»... Мол, в таком захолустье! А ведь Новгород просто не мог не заметить изменения торговых потоков, последовавших за взятием крестоносцами Царьграда.

Хотя тот же Васильев, растолковывая веснушчатым гимназистам в фуражках с васильковым околышем внезапный всплеск интереса европейцев к духовным сокровищам Святой Земли, честно указывал, что «наряду с религиозным воодушевлением, охватившим Европу, были и другие, чисто мирские, материальные причины для выполнения крестового похода». Автор учебника подробно перечислял их: «Бароны и рыцари, помимо религиозных побуждений надеялись НА НАЖИВУ, купцы рассчитывали увеличить свою ПРИБЫЛЬ расширением торговли с Востоком, должники и ПОДСУДИМЫЕ знали, что во время их участия в крестовом походе они не будут преследоваться кредиторами и судом». Однако, как эти сбывшиеся частично европейские надежды сказались на наших с вами древнерусских пращурах, неведомо было и ему. Увы, не дружит наша школьная история с экономикой, забивая детишкам мозги набором фактов без связи. Да и до революции не дружила.

И все же, согласитесь, славная компания шла в Крестовые походы! Особенно меня умилили должники и подсудимые. По сути, Европа шла «освободить» Гроб Господень с помощью... уголовного сброда, который срочно нужно было слить в заморский поход, чтобы он не мутил воду дома. «Штрафбаты» Франции, Германии и Италии стали главной движущей

силой «богоугодного» дела. Младшие сыновья дворянских родов, лишённые наследства (в Европе царил право майората — все получал только старший сын), бродячие монахи, изгнанные из монастырей за пьянство и скотоложество, прогоревшие купцы и купчишки, жадно потиравшие ручонки в предвкушении прибылей, — это и есть те самые «самоотверженные» люди, которые решили изгнать сарацин из Святой Земли.

В 1204 году они взяли Константинополь вместо Иерусалима почти случайно. Но, справедливости ради, заметим: в жестокой трагедии крылась значительная доля вины византийцев. Напомню: это был уже Четвёртый крестовый поход. Как и первый, он был вызван внутренним кризисом Византийской империи.

В 1071 году армия турок-сельджуков нанесла сокрушительное поражение византийцам при Манцикерте в Армении. Император Роман Диоген попал в плен. Турки захватили большую часть Малой Азии, принадлежавшей византийцам, и основали там Румский султанат — восточные народы называли византийских греков «рум», слегка упростив по их самоназванию «ромеи». Через несколько лет в 1078 году те же турки взяли Иерусалим, находившийся в руках арабов. Христианских паломников — вполне приличных и мирных людей, в отличие от будущих крестоносцев, они тут же стали обижать.

Воспользовавшись этими бесчинствами, новый император Византии Алексей Комнин настроил в Европу отчаянное письмо, призывая прийти на помощь против неверных, и даже отправил специальное посольство на собор католической церкви в итальянский город Пьяченца в 1095 году. Папа Римский Урбан II мигом сообразил, что на этом дельце можно хорошенько заработать, а заодно прибрать к рукам Православную церковь, и организовал Первый крестовый поход. В 1099 году Иерусалим пал. На территории Палестины возникло несколько христианских государств, которыми управляли рыцари из Западной Европы. Хитрые византийцы получили обратно свою Малую Азию, а Папе в смысле подчинения своей церкви римской показали шиш. Мол, настоящие римляне — это мы, ромеи, а вы вообще непонятно кто — какие-то варвары, оттяпавшие у нас территорию Западной Римской империи, которую мы когда-нибудь еще вернем. С Божьей помощью, естественно.

Все это было, конечно, вилами по воде писано. И пусть вода была не обычная, а средиземноморская, легче никому не стало. Тем более, что меньше, чем через сто лет — в 1187 году мусульмане снова овладели Иерусалимом. Третий крестовый поход, срочно собранный для его освобождения под предводительством Фридриха Барбароссы и Ричарда Львиное Сердце, провалился. Запад оказался в той же точке, с которой начал. А в Византии стало даже хуже — там пересрались до смерти (извините, но другого слова я не подберу), правящие элиты, выясняя, кто в Константинополе самый главный.

Константинополь жил с транзита через Босфор и Дарданеллы. Сюда через Киев из Руси шли меха и воск, мед и рабы. Русь была, как теперь бы мы сказали, **ЭКСПОРТНООРИЕНТИРОВАННОЙ** экономикой. А Византия уже вообще ничего не экспортировала на Запад своего, кроме идеологии и красивого прошлого. Только перепродавала то, что получала из Руси. Западу ее идеология была не нужна. Там своей хватало. Прошлого Византии Европу не интересовало. Она смотрела в будущее. Причем, только свое. Романские храмы, замки и каменные стены городов европейцы прекрасно научились строить на основе древнеримского опыта. Эксклюзивные технологии, вроде производства шелка, которыми обладали византийцы, те же итальянцы успешно воровали, не испытывая ни малейшего стеснения. Иными словами, Русь и Византия были нужны только друг другу. А Европа смотрела на них как на потенциальную добычу.

Но так как величие Константинополя осталось в прошлом, и счастья на всех там давно не хватало, внутри высшего класса Византии борьба достигла апогея. Ведь так хочется просыпаться по утрам не где-нибудь, а в императорском дворце рядом с Ипподромом, и знать, что можно ничего не делать. Просто смотреть, как проходят мимо корабли через Мраморное море, а вместе с ними сами плывут к тебе деньги.

В том самом 1185 году, когда наш князь Игорь отправился в степь Половецкую поискать чести и славы, в Константинополе произошла смена династии. Место выродившихся Комнинов, занял на троне первый из Ангелов — Исаак II. Однако Ангелы тоже оказались отнюдь не ангелами. По своим моральным качествам они ничем не отличались от предшественников.

Последний Комнин — Андроник I, кстати, наполовину русский (мать его — дочь перемышльского князя Володаря Ростиславовича происходила из наших Рюриковичей), чтобы прийти к власти, приказал задушить тетивой лука своего двоюродного племянника Алексея II, которому едва исполнилось четырнадцать лет, а потом женился на его юной вдове — одиннадцатилетней французской принцессе Анне. В оправдание своих поступков он привел стих Гомера: «Нехорошо многовластие, единый да будет властитель».

Убив Марию Антиохийскую. Андроник Комнин приказал изуродовать ее портреты

Но перед тем, как прикончить племянника, он успел выбить из того смертный приговор для его же мамыши — императрицы Марии Антиохийской, которую называл «бесстыдной кокеткой». Марию задушили в монастыре св. Диомеда, хотя ей было только тридцать семь лет, и она происходила из знатнейшего рода герцогов Аквитании. Новый император, видимо, втайне влюбленный в нее, приказал переписать все портреты красавицы Марии так, чтобы

она выглядела на них морщинистой старухой. Согласитесь, веселенькая история. Шекспира на нее нет.

Тем не менее, ее подлинный портрет уцелел благодаря талантливому византийскому хронисту Никите Хониату: «Это была женщина очень красивая и даже чрезвычайно красивая — словом, необыкновенная красавица. В сравнении с ней решительно ничего не значили и всегда улыбающаяся и золотая Венера, и белокурая и волоокая Юнона, и знаменитая своей высокой шеей и прекрасными ногам Елена, которых древние за красоту обоготворили, да и вообще все женщины, которых книги и повести выдают за красавиц».

За всеми этими преступлениями против красоты и изящества проглядывал не только сексуальный, но и экономический подтекст. Во время регентства Марии в Константинополе усилилось западное влияние. Ее отец Раймунд де Пуатье — младший сын герцога Аквитании — был князем Антиохии — одного из государств крестоносцев на Ближнем Востоке. Прорываясь к власти, популист Андроник Комнин сыграл на настроениях простых жителей Константинополя, твердивших, что все хлебные места захвачены латинянами. И это было правдой. Императрица действительно покровительствовала итальянским купцам. Вместе с членами семей их проживало в столице империи около 60 тысяч. Поэтому вступление Андроника Комнина в Константинополь в 1182 году ознаменовалось гигантским погромом латинян — европейских купцов, перенаправивших денежные потоки транзитной торговли Константинополя в свои кошельки, просто вырезали или изгнали.

По сути, Андроник Комнин пришел к власти на волне константинопольского «майдана». Этот же «майдан» его и сверг через три года. Местные олигархи, которых Андроник попытался приструнить, подняли византийский плебс на восстание и привели к власти Исаака Ангела. Хотя император лично отстреливался из лука, стоя в окне дворца, а потом попытался бежать, его схватили и замучили до смерти. Главным обвинением императору снова стало то, что и он... продался латинянам. По-видимому, западное лобби работало в Константинополе непрерывно — Андроник вскоре после латинского погрома смягчил политику в отношении итальянских купцов и разрешил многим из них вернуться. Смена правителя не могла переломить общей тенденции. Западное влияние на закате Византии преобладало, кто бы ни приходил к власти в угасающем Константинополе. Ведь Средиземное море от Гибралтара до государств крестоносцев в Палестине контролировали итальянские купцы. И даже его для них не хватало. Два основных клана Италии — генуэзцы и венецианцы находились на пике подъема и ненавидели друг друга больше, чем византийцев или сарацин.

Ангелы правили в том же авантюрно-уголовном духе, что и последние Комнины. В 1195 году Исаака II Ангела ослепил его младший брат Алексей III Ангел. Но сыну свергнутого императора, носившему, как и дядя-узурпатор, имя Алексей, удалось бежать в Италию и заручиться поддержкой римского папы.

Как раз в это время папа Иннокентий III был весьма озабочен ослаблением торговых интересов Запада в Палестине — в 1187 сарадины египетского султана Салах-ад-Дина разбили армию крестоносцев при Хаттине и вернули Иерусалим мусульманам. Все христианские храмы были превращены в мечети. Рыцари-тамплиеры, попавшие в плен при Хаттине, были казнены. Иерусалимское королевство прекратило свое существование.

Все это не могло не обеспокоить престол римского понтифика. Католическая церковь жила на проценты. Каждый прихожанин ее платил десятую часть своих доходов папе. Чем лучше шли дела у прихожан, тем богаче жил глава церкви. Поэтому, кроме духовного отца, он

играл роль еще и верховного «пахана» Европы, эдакого «смотрящего» от Бога. Папа Римский мирил поссорившихся королей, выступал посредником в их запутанных конфликтах и занимался организацией колониальных экспедиций, требовавших концентрации соперничающих политических сил Христианского мира. Так называла себя тогда Западная цивилизация, еще не подозревавшая, что ее духовные наследники в наши дни будут открыто покровительствовать содомии. Впрочем, содомитов в Европе всегда хватало. Особенно в церкви.

А какие доходы могут быть у сынов церкви, если врата торгового пути на Восток были снова захвачены мусульманами, а в Константинополе то и дело резали итальянских купцов? С чего прикажете снимать десятину «на Бога»?

Известие о поражении при Хаттине достигло Рима осенью 1187 года. Свою реакцию на него тогдашний папа Григорий VIII выразил в булле от 29 октября того же лета Господнего, коя носила название *Audita tremendi* («Услышав о страшном»). Свое имя этот документ получил по начальным словам: «Услышав о страшном и суровом суде, которым рука Господа поразила землю Иерусалима» и т. д. Поражение крестоносцев папа объяснил их греховной жизнью. Тамплиеры, соблюдавшие обет безбрачия, действительно содомитствовали вовсю, как покажет впоследствии их знаменитый процесс, организованный французским королем Филиппом IV Красивым. Обычные монахи тоже не отставали от монахов-рыцарей. Про священников и епископов нечего было даже говорить. Обильная пища и вольготная жизнь склоняла их буквально ко всем видам разврата.

Но искупить грехи рыцарей-содомитов и прочих распутников папа предложил почему-то всей пастве — отправившись в Третий крестовый поход. Как я уже говорил, эта экспедиция с треском провалилась. Император Германии Фридрих Барбаросса утонул в горной реке по дороге в Палестину. Французский король Филипп Август и английский Ричард Львиное Сердце перессорились до смерти и вернулись домой.

После поражения крестоносцев под Хаттином папа Григорий VIII разразился буллой «Услышав о страшном».

Григория VIII сменил Климент III, того- Целестин III (все папы, по происхождению, были итальянцами, теснейшим образом связанными с местными финансово-торговыми кланами), а Святая Земля по-прежнему оставалась в руках конкурирующей фирмы под зеленым знаменем Пророка, и в Константинополе продолжался православный бардак. То генуэзцы, то венецианцы донимали очередного понтифика назойливыми просьбами: «Ну, сделай же что-нибудь! Ты же — Папа или кто?!» Но ни у одного из них ничего не получалось — как-то карта не шла. Хотя первые игральные карты уже привезли с арабского Востока в котомках тех же крестоносцев, обожавших, кроме всяческого разврата, еще и азарт.

И только когда на папский престол в 1198 году взошел молодой и энергичный Иннокентий III (сын графа Тразимонди и племянник Климента III — как видите, все в Риме было схвачено и опутано родственными связями, как паутиной!), а из Константинополя сбежал от дяди-черта Алексей Ангел, дело неожиданно пошло на лад. Вдруг отыскалась и свежая банда крестоносцев, и торговая контора, готовая оплатить услуги этих церковных

активистов. Тем более, что Алексей наплел папе с три короба, обещая в случае возвращения ему царского трона подчинение Православной церкви католическому Риму.

Сохранилось два основных описания взятия крестоносцами столицы Византии. Одно из них принадлежит французскому рыцарю из Пикардии Роберу де Клари. Другое — тоже рыцарю и тоже французу Жоффруа де Виллардуэну из Шампани. По странному стечению обстоятельств, мемуары и того и другого называются одинаково — «Завоевание Константинополя».

Папа Иннокентий III как «смотрящий от Бога» не мог терпеть то, что ключи от Востока оказались у конкурирующей «фирмы» под зеленым знаменем ислама

Оба были мелкими феодалами. Обоим на родине не светило ничего, кроме скучной и бедной жизни провинциальных дворянчиков. О причинах, заставивших этих феодальных разбойников поискать счастья на Востоке, лучше всего говорит тот факт, что Виллардуэн умудрился родиться пятым из шести сыновей своего папаша. Вряд ли ему стоило ловить птицу счастья в родной Шампани. Де Клари тоже не обладал тугим кошельком. По словам одного из французских историков, владения его были «достаточны для приобретения рыцарского звания, но слишком малы, чтобы прокормить его носителя оногo». В общем, кольчугу — на тело, железный горшок — на голову, и в путь!

Участники Четвертого крестового похода штурмуют Константинополь. Средневековая миниатюра.

Так получилось, что короли в Четвертом крестовом походе не участвовали. Правитель Франции Филипп II Август остался дома, обидевшись на католическую церковь — она как раз отлучила его за развод. Король Британии Иоанн Безземельный воевал с разведенным и надувшимся на всех Филиппом за кое-какие спорные земли во Франции и тоже решил заняться делами близкими, а не дальними. В Германии после смерти Фридриха Барбароссы сидел на троне малолетний Фридрих II Гогенштауфен. Когда затевался поход, ему едва исполнилось семь лет — для почетной роли предводителя колониальной экспедиции он пока не годился.

Поэтому на войну собралась всякая шваль — никого круче графа в интернациональном воинстве не оказалось. Плыть решили в Египет, чтобы сначала захватить его, а уже оттуда пойти сушей на Иерусалим. Корабли решили нанять у Венеции. Но денег не хватило, и венецианский дож — престарелый и слепой, но жадный до безобразия Энрике Дандоло, которому исполнилось почти девяносто лет (!) — предложил крестоносцам отработать натурой: захватить город Зару (теперь это Задар в Хорватии), вышедший из повиновения Венеции. Искатели Гроба Господнего с радостью согласились. Зару взяли штурмом, обобрали ее до нитки и решили зазимовать, так как стоял холодный ноябрь 1202 года и приближалась зима.

И тут в армию прибежал из Константинополя цесаревич Алексей Ангел и упросил всю компанию завернуть сначала на берега Босфора и помочь отобрать ему Второй Рим у дяди-узурпатора. Что, мол, вам стоит, дорогие крестоносцы? Дело это легкое. Константинополь все равно по пути. Восстановите справедливость, а потом поплывете, куда захотите — хоть в Египет, хоть в Иерусалим. Особенно идея понравилась старику Дандоло — когда я пишу о

нем, почему-то все время вспоминаю слепого старика Пью из «Острова сокровищ». Где Дандоло потерял свои «иллюминаторы», неизвестно (по одной версии, его стукнули чем-то тяжелым по голове, по другой — ослеп от старости), но добавочную стоимость негодяй прозревал каким-то всепроникающим внутренним взором наподобие рентгена, и готов был искать ее даже в Аду.

После знаменитого погрома латинян в Константинополе именно Дандоло ездил в Византию договариваться о восстановлении венецианского торгового квартала. Глаз у него не было, а зуб на Константинополь вырос, как у моржа. «Поможем, сынок!» — сказал проходимец Алексею Ангелу и завернул всю банду в Константинополь. Тем же чистоплюям, кто вздумал возражать, дож напомнил, что Венеция согласилась переправить крестоносное войско в Египет за 85 000 марок серебром, а наскребли ей только 51 000, что являлось явным нарушением контракта. Кроме того, ребята, вы неплохо прибарахлились при взятии Зары. Значит, должок на вас еще висит — сначала плывем в Константинополь, а потом — на родину Иисуса. Тыщу лет она нас ждала и еще подождет.

Крестоносцев было всего двенадцать тысяч. Но быют не числом, а умением. Для взятия Константинополя оказалось в самый раз. Тем более, что Алексей Ангел пообещал всем заплатить дополнительно из казны Византии, а венецианцам в качестве компенсации за давний погром — еще и монополию на торговлю с Востоком. Неожиданной проблемкой оказалось лишь то, что денег в государственных хранилищах обанкротившейся империи не оказалось. Но и ее легко решили. Крестоносцы, увлеченные примером недавнего грабежа Зары, с таким же увлечением набросились на дома и церкви Второго Рима, как называли Константинополь, а Алексею Ангелу оставалось только сбежать из родного города, чтобы в суматохе и ему не дали каким-то тупым предметом по голове, как когда-то в молодости дедушке Дандоло. «Огонь начал распространяться по городу, который вскоре ярко запылал и горел всю ночь и весь следующий день, — радостно рапортовал Жоффруа де Виллардуэн. — В Константинополе это был уже третий пожар с тех пор, как франки и венецианцы пришли на эту землю и в городе сгорело больше домов, чем можно насчитать в любом из трех самых больших городов Французского королевства. Остальная армия, рассыпавшись по городу, набрала множество добычи — так много, что поистине никто не смог бы определить ее количество или ценность. Там были золото и серебро, столовая утварь и драгоценные камни, атлас и шелк, одежда на беличьем и горностаевом меху и вообще все самое лучшее, что только можно отыскать на земле... Такой обильной добычи не брали ни в одном городе со времен сотворения мира».

Маршрут Четвертого крестового. Шли освободить от неверных Иерусалим, а «освободили» от имущества Царьград

Слова Виллардуэна полностью подтверждает другой грабитель — Робер де Клари: «Добро это оказалось столь велико (там было столько дорогих сосудов, золотых и серебряных, и вышитых золотом материй, и столько драгоценностей, что это было настоящим чудом), что никогда с тех пор, как сотворен мир, не было видано и захвачено столько... Те самые люди, которым поручено было охранять всю добычу, растаскивали золотые драгоценности, какие хотели, и разворовывали добро; и каждый из богатых людей брал либо золото, либо златотканые материи, либо что ему больше нравилось, и потом все это уносил. Настоящий, справедливый раздел ко благу всего войска никогда не был произведен, а бедным рыцарям и оруженосцам, которые так помогли завоевать это добро, достались лишь серебряные слитки. Остальное же добро, которое было оставлено для раздела, было подло расхищено, как я вам уже об этом рассказывал. Тем не менее венецианцы получили свою часть»...

Кроме всего прочего, венецианцы сперли с Ипподрома четверку бронзовых лошадей и установили их у себя дома на соборе св. Марка, а также парочку мраморных львов, которые до сих пор стоят у входа в военно-морское училище в Венеции. На месте Византийской образовалась Латинская империя, главой которой объявили графа Балдуина Фландрского. Его срочно короновали в соборе св. Софии, причем лжепатриарх Фома, проводивший обряд, тоже в спешке был «избран» из венецианского олигархического рода Морозини. Остатки византийской политической элиты сбежали в Малую Азию. Там в провинциальных владениях Византии образовались сразу два православных царства — Никейское и Трапезундское. На осколках рухнувшей империи надолго воцарился хаос. Греки пытались изгнать латинян и вернуть Константинополь. Латиняне, как могли, отбивались от греков.

Старинная карта Константинополя. Примерно таким был город, когда крестоносцы перепутали его с Иерусалимом.

Все это самым непосредственным образом отразилось на судьбе далекого Киева. Главным торговым партнером города на Днепре был Константинополь. Путь «из варяг в греки» начинался на Балтике и через Новгород по системе рек и волоков тек через «мать городов русских» в Черное море, заканчиваясь на Босфоре. Все, чем богата была Русь, везли в столицу Византии через Киев — меха, мед, воск для свечей. Пока Византия процветала, система работала, как колесо водяной мельницы — точно и безотказно. Из Руси — сырье. Обратно — вина, дорогие ткани и звонкая монета.

Но крестовые походы полностью поменяли расстановку сил на Средиземном море. Злосчастный 1204 год, когда Запад захватил Константинополь, стал только конечной точкой перераспределения сил. Три предыдущих похода тоже крепко ударили по Византии. Между Европой и Ближним Востоком установился прямой путь мимо Константинополя. В выигрыше оказалась Венеция, флот которой отныне царил в Средиземноморье. Его корабли перевозили теперь основную массу товара. И если у Царьграда не стало денег, значит, через Киев отпала необходимость везти экспортные товары в Византию. Значение столицы Руси падает на протяжении всего XII века, пока идут первые крестовые походы. За Киев даже перестают бороться сильные русские князья. Он остается символом, но не тем местом, где делают деньги.

Владимир Мономах умирает киевским князем в 1125 году. Его сын — основатель Москвы Юрий Долгорукий — всю жизнь воюет за Киев с родственниками. В конце концов, мечта его сбывается. В 1157 году он овладевает Киевом и тут же умирает. А уже в 1169 году сын Юрия — тоже суздальский князь Андрей Боголюбский — захватив столицу своего отца и деда на Днепре, сажает тут своего ставленника и возвращается в Суздаль.

Киев хиреет. Капитальное строительство тут прекращается. Зато неожиданно поднимаются города будущей Московии — Владимир-на-Клязьме, Ростов, Суздаль. Князь Андрей отстраивает каменный замок в Боголюбове. Во Владимире возводят Золотые ворота в подражание киевским. Один за другим поднимаются соборы. Знаменитая церковь Покрова-

на-Нерли — памятник как раз той эпохи. И главное — сюда переселяются люди с Южной Руси. На севере возникают города с такими же названиями, как в Киевском и Галичском княжествах — Галич в земле племени меря (ныне — Костромская область), Переяславль-Залесский, Звенигород, Стародуб, даже Вышгород и Прилуки!

В узких кругах историков широко известна фраза Татищева: «Великий князь Юрий Владимирович Долгорукий, лишившись Киевского княжения... зачал строить во области своей многие грады ТЕМИ ЖЕ ИМЯНЫ, как в Руси суть, хотя тем утолить печаль свою, что лишился великого княжения русского».

Сегодня отнюдь не все эти города связывают с деятельностью Юрия Долгорукого. Тем более, что вскоре он утешился возвращением в Киев. Важно то, что появление этих городов-двойников свидетельствует в пользу миграции населения с Южной Руси на Северо-Запад. Процесс переселения шел на протяжении всего XII века, а потом продолжился и в XIII, и в XIV столетиях. Конечно, не все уходили. Но многие и многие. Значит, видели в этом выгоду и перспективу. Была ли тому причина? А как же!

Кроме умирающего пути «из варяг в греки» через Новгород шла еще одна торговая дорога — на Восток. Именно на ней и расцвели Владимир, Суздаль и Москва. Северный Новгород нуждался в хлебе. Суздальские князья поставляли им его, перекупая товары, идущие из Новгорода, и гнали их по Оке и Волге через Каспий на мусульманский Восток. Центром перевалочной торговли между Новгородом и Суздалем стал город с красноречивым названием Торжок на реке Тверца — третий на Руси по количеству найденных в нем берестяных грамот. Тут проходила граница между Новгородским и Владимиро-Суздальским княжествами.

Вскоре суздальские князья так окрепли, что решили захватить Новгород. В апреле 1216 года произошла знаменитая битва на реке Липица. Суздальский князь-рейдер Ярослав Всеволодович — внук Юрия Долгорукого и правнук Владимира Мономаха — захватил Торжок и перекрыл в Новгород подвоз хлеба. Под угрозой голодной смерти новгородцы решили не сдаваться и мигом наняли князя-бродягу Мстислава Удатного с его дружиной. «Уйди из Торжка в свою волость, — написал Мстислав Ярославу. — Не нужна тебе земля новгородская». Но тот ответил: «Мира не хочу. Коли пошли — так идите. Но на сто моих воинов один ваш будет». Новгородских послов он запер в срубе, а всех, кто на него пойдет, пообещал «забросать седлами».

Шлем князя Ярослава Всеволодовича, потерянный на месте Липицкой битвы

Торгово-экономический спор двух средневековых мафиозных кланов, мешавшим простым людям жить спокойно, решило только генеральное сражение. Новгородцы, несмотря на холодный весенний день, разулись, чтобы было удобнее бегать по пересеченной местности, и смело поперли на врага пешком. Испугавшись их чумазных ног, суздальцы побежали. Впереди всех, крепко держась в седле и даже не собираясь эту нужную вещь в кого-то бросать, драпал князь Ярослав Всеволодович. На месте битвы он даже бросил кольчугу и красивый шлем с серебряной инкрустацией. Новгород отстоял свою независимость.

На все это Киеву оставалось только взирать. Дороги истории, как и мировая торговля, отныне шли мимо него. А потом явился Батый. Когда в 1240 г. он обложил бывшую столицу Руси, в городе не было даже СВОЕГО князя! Только наместник Даниила Галицкого — воевода Дмитрий — сидел на остывающем престоле святого Владимира и правил именем держателя второстепенного прикарпатского княжества прежним «соперником Константинополя».

Впрочем, сами средневековые русские люди все несчастья, случившиеся с ними, объясняли куда проще: «Наводит Бог по гневу своему казнь какую-либо или поганых, потому что не обращаемся к Богу. Междоусобная рать бывает от соблазна дьявольского и от злых людей. Страну согрешившую казнит Бог смертью»...